

Свечи

июнь 2014

журнал
Никиты Михалкова

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПОЛЕНОВА

Что искал в Палестине
автор «Московского
дворика»

Герои против торгашей

Бердяев как философ
русской свободы

Обыкновенный геноцид

Кто и зачем искоренял
казачество

Хроникер империи

Сто лет назад
он фотографировал
Крым в цвете



ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА
КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

36

МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНО
ФЕСТИВАЛЬ
19.06–28.06.2014

РЕКЛАМА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

- | | | | |
|-------|---|-------|---|
| 2 | Слово издателя
Части целого | 30-33 | Другие берега
Никита Лобанов-Ростовский:
«Что значит быть князем?
Мало привилегий и масса обязательств» |
| 3-7 | Национальная идея
Антимайдан-2010. Четыре года спустя
<i>Перечитываем «Манифест
просвещенного консерватизма»</i> | 34-37 | Чужой среди своих
Письма зависти
<i>Петр Чаадаев без прикрас</i> |
| 8-12 | Философ о философе
Герои против торгашей
<i>Александр Дугин про Николая Бердяева</i> | 38-41 | Родное слово
Простой советский классик
<i>Вспоминаем Владимира Солоухина</i> |
| 13-17 | Символ веры
Дары преподобного Сергия | 42-43 | Наш Крым
Хроникер империи
<i>Таврида в объективе
Сергея Прокудина-Горского</i> |
| 18-21 | Белые и красные
Обыкновенный геноцид
<i>95 лет назад началась трагедия
«расказачивания»</i> | 44-47 | Корневая система
Вот так нагородили!
<i>Репортаж о знаменитом
нижегородском
народном промысле</i> |
| 22-23 | Великие реалисты
Евангелие от Поленова | 48 | Трапезная
Квасной патриотизм |
| 24-29 | Русский гений
Витязь из Киева
<i>К юбилею Игоря Сикорского</i> | | |

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

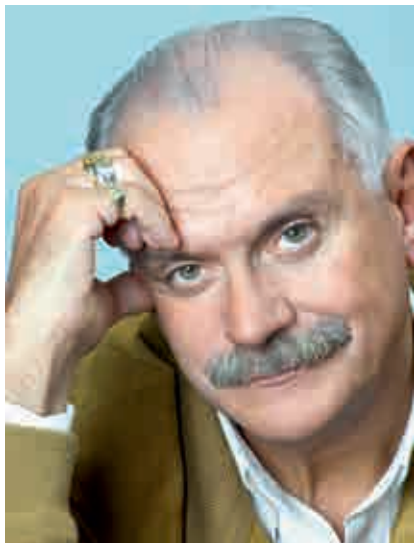
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 22 000

Подписано в печать 15 мая 2014 г.

Слово издателя



Части целого

Либеральная идея, которая давно и в различных формах существует в мире, применительно к России, к сожалению, всегда так или иначе оказывается орудием в руках разрушителей. Я не утверждаю, что разрушение обязательно является осознанным, запланированным, — зачастую это не так. Просто сама по себе западная система либеральных ценностей ставит во главу угла крайний индивидуализм. Речь идет о правах и свободах отдельной личности — в ущерб интересам общества и государства. А в итоге, если отряхнуть словесную шелуху, все сводится к материальному благополучию.

Теоретически в этом нет ничего плохого. Однако русскому человеку идеала сытости недостаточно. Более того, будучи внедряем в сознание, этот идеал способен разрушить мировоззрение и отдельных людей, и нации в целом. Отсюда вовсе не проистекает вывод, будто бы русский человек хочет голодать, быть рабом, постоянно находиться под прессом чужой воли. Такая примитивная трактовка выгодна лишь тем, кто сейчас судорожно ищет себе оправдание, покидая общественно-политическое поле России. Русская история — с ее бесконечной необходимостью отражать внешние поползновения, отстаивать свои земли, свою свободу, свою веру — всегда нуждалась в консолидирующей силе. Веками народ сплывался вокруг государства или вокруг лидера, который сам по себе зачастую олицетворял это государство.

В последние годы шла не просто борьба идей — фактически решался вопрос о дальнейшем существовании России как мощного, самостоятельного государства, центра притяжения всего обширного и многообразного Русского мира. Сегодня мы, слава Господу, можем сказать: исход борьбы ясен, Россия выстояла. Отечественный либерализм — как чуждое нашей ментальности течение — умирает. Причем это признают даже сами либералы — правда, те из них, кто обладает творческим потенциалом, живыми реакциями и способен честно оценить происходящее вокруг.

Я абсолютно убежден: единственно правильной для России остается идея просвещенного консерватизма. В моем представлении это набор идей, органически сочетающих традицию и новаторство. Просвещенный консерватор с равным уважением относится к обеим направляющим Русского креста — вертикали власти и горизонтали культуры и экономики.

Задача просвещенного консерватизма — поддерживать в каждом человеке, в каждом гражданине созидательное ощущение себя как части целого. Если корни дерева глубоки и ствол мощен, то ветви и листья могут быть подвластны любым ветрам. Корневая система крепко держит дерево, и оно продолжает жить и плодоносить. Просвещенный консерватизм — это опора на национальную корневую систему. С ней нам не страшны никакие потрясения и ураганы.

ФОТО: PHOTOPRESS

Антимайдан-2010.

Четыре года спустя

В октябре 2010 года была обнародована идейно-политическая работа Никиты Михалкова «ПРАВО И ПРАВДА. Манифест просвещенного консерватизма». Представителями политического класса России этот неожиданный документ был воспринят по-разному, а осмысление его продолжается по сей день. «Манифест» опередил свое время — значимость его в полной мере стала очевидна только сейчас.

ФОТО: REUTERS/VOSTOCK PHOTO

Антимайдан-2010. Четыре года спустя

ЧЕРЕЗ несколько месяцев после выхода этого программного документа, декларирующего необходимость возврата к традиционным ценностям и выступающего против разрушительного революционизма во всех его проявлениях, началась пресловутая «Арабская весна». Она потрясла Ближний Восток и Северную Африку, привела к чудовищному кровопролитию, свержению законных правительств, фактически поставила крест на таком государстве, как Ливия, до сих пор угрожает целостности и государственности Сирии...

Волны политических и социальных разрушений докатились и до постсоветского пространства. В России враждебный государству и обществу вал удалось погасить — «болотная» стихия (включающая в себя не только митинги в центрах городов, но и агрессивные атаки на традиционную семью, церковь, другие государственные и общественные институты) сколько-нибудь значительной поддержки среди россиян не встретила. Зато на Украине зловецкий клон «Арабской весны» проявил себя в полной мере и в самых опасных формах гражданского противостояния.

Мы предлагаем еще раз — вдумчиво и детально — перечитать «Манифест просвещенного консерватизма». Журнал «Свой» из номера в номер будет публиковать и обсуждать фрагменты «ПРАВА И ПРАВДЫ».

«Эйфория либеральной демократии закончилась»

Мы убеждены — перестав делить прошлое, мы обретаем настоящее и гарантируем будущее. Исторически Государство Российское развивалось, следуя тысячелетнему пути: от «Святой Руси» к «Великой России».



ФОТО: ИТАР-ТАСС

Киев! Владимир! Москва! Петербург-Петроград! Москва! Вот пять этапов жизни Отечества нашего, судьбы Родины нашей...

Наступил XXI век.

Можем мы сегодня, положив руку на сердце, сказать себе и людям: да, мы удовлетворены всем, что происходило и происходит в России? Думается, что нет!

Современный общественный строй, представляющий собой гремучую смесь из догоняющей Запад либеральной модернизации, произвола «местных начальников», всепроникающей коррупции, не устраивает большинство россиян. За «парадом» экономических реформ и «фасадом» либеральных институтов по-прежнему скрываются традиционные, архаичные общественные отношения.

Люди устали выслушивать декларации о политической независимости, внимать призывам к индивидуальной свободе и верить сказкам о чудесах рыночной экономики.

Эйфория либеральной демократии закончилась! Пришла пора — делать дело!

Первое, что нам необходимо, — это установление и поддержание законности и правопорядка в стране. Второе — обеспечение культурной и национальной безопасности. Третье — рост «благополучия для всех». Четвертое — восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну. Пятое — гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье.

Чтобы добиться этого, нам следует:

- ♦ возродить силу и мощь российского государства;
- ♦ поддержать становление новых для России структур гражданского общества;
- ♦ восстановить и укрепить нравственный авторитет власти;
- 4 обеспечить динамичный и устойчивый рост экономики;

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

♦ заложить основы правосознания у граждан, воспитать в них чувство уважения к закону, труду, земле и частной собственности.

Но прежде всего мы должны поверить в нашу Россию, укрепить дух нашей нации, восстановить позитивный образ нашей страны во всем мире.

Россияне ждут сегодня от нас именно таких реформ и таких перемен. Не возврата к прошлому — этого в России не будет! А обращения к будущему — достойному будущему великой страны.

Мы убеждены, что только справедливая форма сочетания свободы и власти, основанная на соединении заповедей и идеалов ПРАВДЫ с принципами и нормами ПРАВА, может и должна обеспечить всем нам «нормальную человеческую жизнь в нормальной человеческой логике — без революций и контрреволюций».

Таков наш курс — курс на экономический рост и политическую стабильность, которые должны позволить России в XXI веке стать сильной независимой конкурентоспособной страной...

Мы считаем, что решение задач по обеспечению политической стабильности и экономического роста страны и превращение России в конкурентоспособную мировую державу возможно при условии, если государство и гражданское общество придут к согласию и совместно сформулируют Общенациональную миссию и Программу развития России в XXI веке.

Для достижения этого «согласия» нам требуется переосмыслить роль и значение главных факторов материального производства: ТРУД, ЗЕМЛЮ, КАПИТАЛ И ЧЕЛОВЕКА, рассмотрим их с точки зрения духовного единства ПРАВА И ПРАВДЫ.

Для того, чтобы увидеть материальный мир и человека через ПРАВО И ПРАВДУ, необходимо новое мировоззрение, способное одновременно воспринимать как всеобщие тенденции глобального развития человечества, так и локальные особенности развития наций, народов и личностей.

И такое универсальное мировоззрение есть, мы называем его просвещенно-консервативным.

Просвещенный консерватизм — это позитивное умение осмыслить прошлый и будущий мир вещей, свойств и отношений в должной и верной мере, а также способность эффективно действовать в современном мире, не разрушая его.

Мировоззрение просвещенного консерватизма, представленное как система принципов и идей,

образует теоретическую основу российского консервативного движения и задает теоретический вектор для разработки полноценной Программы действий.

Просвещенный консерватизм как идеология позволяет последовательно и эффективно проводить в жизнь динамично-стабильную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на достижение глобальных целей и решение конкретных задач политического, экономического и социального развития нашей страны.

Просвещенный консерватизм и просвещенные консерваторы — кто они?

Просвещенный консерватизм есть консерватизм истинный. Он не имеет ничего общего с «реакционностью», «застоем», «охранительством» и «нежеланием перемен».

Русский мыслитель Николай Александрович Бердяев дал яркую и точную характеристику его основных начал:

«Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва этой связи, соединяет будущее с прошлым. Консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к истокам жизни, связывает себя с корнями. Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нем живет энергия не сохраняющая только, но преобразующая».

В России, как и в Западной Европе, историческими предшественниками истинного, или

просвещенного, консерватизма были свободомыслящие аристократы-государственники...

Мировая и отечественная история учит: все важнейшие реформы, направленные на модернизацию, успешно осуществлялись только в том случае, если они проводились государственными, общественными и церковными деятелями России центристской, просвещенно-консервативной ориентации.

А «разруху в стране и головах», принесшую и приносящую России тяготы, невзгоды и испытания, творили и творят проповедники радикального прогресса и неистовые вожди либеральных буржуазно-демократических и пролетарских революций... Всякий нормальный человек любит Родину и почитает Отечество.

Александр Сергеевич Пушкин в своем письме к Петру Яковлевичу Чаадаеву выразил это чувство просто и ясно:

«Я далеко не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не

**Люди устали
выслушивать декларации
о политической
независимости,
внимать призывам
к индивидуальной
свободе и верить сказкам
о чудесах рыночной
экономики**

хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, как нам Бог ее дал».

Примечательно и то, что написал Пушкин эти слова по-французски...

Просвещенному консерватизму чужд патриотизм квасной, который так же далек от патриотизма истинного, как и национальное беспаямство. Истерика национальной исключительности, крикливый шовинизм в лучшем случае — глупость, в худшем — провокация.

Не монополизируя право на патриотизм, мы твердо заявляем о равном неприятии как чувства пролетарского интернационализма, ведущего к «казарменной дружбе народов», так и «слепой привязанности» к космополитическим ценностям, порождающей у человека черствость и равнодушие к своей Родине.

Истинный просвещенный патриотизм является нормой, принципиальной мужественной позицией, показателем душевного здоровья и зрелости человека и гражданина, для которого любовь к своей земле не означает неприязни к загранице, ведь патриотизм — это общность любви, а не ненависти.

Мы объединяемся вокруг созидающего «да», а не вокруг разрушающего «нет»...

Мировая и отечественная история учит: все важнейшие реформы, направленные на модернизацию, успешно осуществлялись только в том случае, если они проводились государственными, общественными и церковными деятелями России центристской, просвещенно-консервативной ориентации.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ФОТО: PHOTOPRESS



Сергей Марков,
директор Института
политических исследований,
член Общественной палаты РФ

— Очень хорошо помню основные положения этого «Манифеста...», опубликованного в 2010 году. Он был чрезвычайно актуален тогда и не менее актуален сейчас. Михалкову, несомненно, делает честь то, что он одним из первых превратил просвещенный консерватизм в политический мейнстрим, начал концептуально и аргументированно отстаивать традиционные ценности большинства наших соотечественников.

Причем мейнстримом такая система взглядов стала и для руководства страны, для президента Владимира Путина, а также для многих средств массовой информации, включая ведущие российские телеканалы.

Мне тоже довелось принять участие в популяризации важнейших тезисов современных консерваторов. Одна из моих статей 2011 года была весьма созвучна «Ма-

нифесту...» и начиналась буквально так: «В современной России консерватизм до последнего времени понимался как реакционность. С большевистских времен он несет негативный подтекст. Но консерватизм действительно является реакцией — реакцией на дестабилизацию, на распад социальных институтов, на действия, в результате которых люди чувствовали себя дискомфортно... Когда все распалось буквально на глазах, возникало стремление к сохранению оставшегося, к консерватизму. И именно поэтому консерватизм становится крайне востребованным сейчас, когда на наших глазах мир приходит в хаос».

Полагаю, что сегодня вновь необходимо вынести на самое широкое обсуждение темы и тезисы, ставшие основой «Манифеста просвещенного консерватизма».

Герои против торгашей

Сторонники просвещенного консерватизма справедливо считают одним из основоположников этой идеологии русского философа Николая Бердяева. В последнее время получили широкую известность тезисы Бердяева, противопоставляющие здоровый, созидательный консерватизм бессмысленно-беспощадной революционной стихии. Чем примечательны, оригинальны, ценны для российского общества работы Бердяева? На этот вопрос отвечает философ Александр ДУГИН, лидер Международного Евразийского движения, руководитель Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. Ломоносова.

БЕРДЯЕВА можно назвать «философом замечаний». Опыты философии удавались ему в качестве отдельных самостоятельных фрагментов. Пытаясь превратить их в какую-то систему, он, как правило, сталкивался с неудачей. Но это не принципиально. Некоторые философские системы, поначалу казавшиеся полноценными, развитыми (например, антология Лотце, труды неокантианцев), обернулись, по сути, содержательно пустыми тысячами страниц.

А философы замечаний, афоризмов, фрагментов — скажем, Ницше — наоборот, до сих пор азартно исследуются. И в том, что Бердяев относится именно к этой категории, нет для него ничего уничижительного. Его надо правильно воспринимать — чтобы правильно понимать.

Особенности национальной свободы

Бердяев — философ свободы. И в этом смысле на него основательно повлиял Шеллинг. Точнее — трактат о человеческой свободе, о значении выбора суверенной человеческой личности.

В знаменитом эссе Батая «Суверенный человек Сада» показан европейский путь реализации свободы — как абсолютной вседозволенности. Этот путь характерен превращением человека в гиперсубъекта, который утверждается за счет того, что все остальные становятся гиперобъектами. Предметами, всецело покорными любим, пусть даже самым извращенным, поползновениям. Западноевропейская свобода абсолютизирует это путем фундаментальной объективации всех остальных.

Свобода Бердяева *совершенно иная*. Мыслится одновременно и в шеллингианском смысле, и в православном контексте, а также в духе софиологии Владимира Соловьева.

Самое главное — это фундаментальное представление о человеке. Тот реализует свое, человеческое достоинство, делая выбор, абсолютно зависящий от его воли.

Свобода же заканчивается там, где наступает момент совершения выбора.

Выбирая между добром и злом, не имея никаких ограничений в структуре этого выбора, индивид впервые становится человеком, реализует себя как человек. Отнимите у него свободу, и вы лишите его человеческой природы, судьбы, превратите в механизм или животное.

Представление о человеческой свободе подразумевает согласие (или разногласие) с Богом в ситуации обретения важнейшей, основополагающей возможности — творить. Но Бог — абсолютный творец, а человек — субъект, обретающий право выбора.

Свобода — изначально божественное свойство. Человеческая свобода не тождественна божественной, однако тесно связана с божественным промыслом. Представляет собой, по сути, его зеркальное отражение.

Свобода человека в софийном, православном понимании не ведет к подавлению других людей. Она реализуется в высшем творчестве. И в высшем риске быть человеком. Вот это — очень *русская* черта философии свободы.

Это замечание Бердяева требует дальнейшего развития, осмысления. Является весьма необычной, далеко не само собой разумеющейся, глубинно-мистической, русской, православной интуицией. Очень нужной нам сегодня для построения философского русского Логоса.

Свобода есть риск перед лицом смерти. В этом ее экзистенциальное измерение. Однако Логоса без взгляда глаза в глаза со Смертью не обнаружишь.

Коммунизм непонятый

Второе важное замечание Бердяева — идея о религиозном смысле русского коммунизма.



ФОТО: ИТАР-ТАСС

Николай Бердяев. 1911 год

Революционизм поверхностен, оторван от онтологических основ, от ядра жизни. Эта печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями.

Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма — в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах.



Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия — все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения. И все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории.

Мы живем последние столетия в секулярном мире. Этот мир, не признающий религии в качестве социально-политической догмы и базовой установки, на Западе и на Востоке *принципиально различен*. Ибо секуляризации подвергаются *разные* религиозные модели, включающие в себя и политику, и антропологию, и онтологию, и представление о нормативном обществе, и все остальное.

Представление католичества о церкви включает в нее только *клир*, священников. Секуляризация католической теологии порождает политическую систему, в которой секулярным аналогом клира является *государственный аппарат*. отождествление церкви с клиром, священством дает нам адекватное представление о государстве, воплощенном в его государственном аппарате. В какой-то мере это отражается на всей западноевропейской политической культуре Нового времени.

Вторая модель — протестантская. Церковь как некое *искусственное творение* верующих, которые сходятся в рациональном толковании священных текстов. Совокупность индивидуумов, понимающих или толкующих Священное Писание примерно одинаково. То есть секта, деноминация. Кстати, в протестантском контексте слово «секта» не имеет негативного значения. Такие церкви сами охотно называют себя «сектами». Разные люди с собственными, индивидуальными взглядами соглашаются между собой на создание более или менее устраивающей всех коллективной инстанции — это и есть «церковь» для протестантов.

Продукт секуляризации протестантизма — современное *гражданское общество* с его представлениями о либеральной политике. Та, в свою очередь, формируется на основании *социального контракта* граждан и впоследствии может пересматриваться, прекращаться, видоизменяться в любую сторону.

Православный христианин Бердяев под «церковью» понимал совокупность *всех крещеных людей*. И тех, кто прошел первое посвящение через крещение, и тех, кому суждено было пройти второе посвящение через рукоположение — клир. То есть не просто верующих, а верующих посвященных.

Это совершенно другая модель понимания сущности церкви, сильно отличающаяся и от католической, и от протестантской.

Такая церковь строится сверху, через Святого Духа. Он снисходит на человека во время святого крещения, а также передается через рукоположение от апостолов, священства.

Если подвергнем секуляризации эту православную модель, то получим *народное государство*, включающее в себя как представителей *политической власти* (то есть аналог клира), так и всех остальных *граждан*. Нечто подобное Бердяев описал в работе «Истоки и смысл русского коммунизма».

Он говорит: посмотрите, коммунистическая идеология, победившая в России в 1917 году, представляет собой *секуляризацию* именно *православного* понимания государства. Да, это не религиозная и даже антирелигиозная идеология. И в то же время мистико-политическое учение.

Атеистическая? Безусловно. Но по-своему воспроизводящая традиционный и тотальный характер понимания церкви. Перенесенный на политическую, социальную систему.

Суть русского коммунизма — *секулярная соборность*. Чтобы определить наше отношение к нормативной русской политике, необходимо внимательнейшим образом прочесть упомянутую выше работу. И не только согласиться с критикой коммунизма, высказанной Бердяевым. Важнее не осудить или оправдать, а *понять* советский период нашей русской истории, *осмыслить* идею религиозного характера русского коммунизма, имевшую для Бердяева колоссальное значение.

Времена выбирают

Третье замечание, третья линия Бердяева, которая мне представляется предельно актуальной, — его идея, выраженная в работе «Новое средневековье». Вот это, пожалуй, тот самый текст, который можно воспринимать как великолепную программу для построения *новой России*.

Новое Средневековье — блистательный концепт. Каждое время имеет собственную структуру. Когда движемся во времени — воспроизводим структуру той или иной эпохи. В том, что эти эпохи сменяют друг друга, нет никакой фатальности.

Время не является линейным. Оно многозначное, многоуровневое. Мы можем пройти несколько направлений, или сделать несколько шагов по одной дороге, либо свернуть.

Время извилисто, способно делать круг, цикл. Сойти со своего пути и снова на него вернуться...

Средневековье — это вечная возможность, организация ценностной системы, общества, самой исторической темпоральности по особому религиозному иерархическому сценарию.

Бердяев говорит, что его допустимо рассматривать не как прошлое, а как возможное, *наряду* с модерном и современностью. *В этом и состоит наша свобода: в возможности выбрать узор и структуру времени*.

Возникает выбор сущностной парадигмы Средневековья, предполагающей религиозное, героическое, иерархическое общество. Вопреки материалистическому, бытовому, прагматическому, торговому строю, который доминирует в современности.

Что такое современность по Бердяеву? Это *царство торгашей*. Средневековье же — *время героев*. И даже



Константин Васильев. «Дар Святогора»

Будущие общества будут, конечно, трудовыми обществами. В основу их будет положен принцип труда духовного и материального, не бескачественного труда социалистов, а качественного труда. Такова всегда была христианская идея. Слишком большой досуг и праздность привилегированного слоя новой истории прекратятся. Аристократия сохранится навеки, но приобретет более одухотворенный характер, будет скорей психологической, чем социологической категорией.



Характерным для нового средневековья мне представляется еще то, что в нем большую роль будет играть женщина. Исключительно мужская культура истощила и подорвала себя в мировой войне. И в последние годы великих испытаний женщина начала играть огромную роль, она оказалась на большей высоте. Женщина более связана с душой мира, с первичными стихиями, и через женщину мужчина приобщается к ним. Мужская культура слишком рационалистична, слишком далеко ушла от непосредственных тайн космической жизни и возвращается к ним она через женщину. Женщины играют большую роль в религиозном пробуждении нашего времени. Женщины предназначены быть женами-мироносицами.

несмотря на то, что торгоши периодически побеждают, герои, которые в таких случаях уходят в тень, все равно не исчезают до конца. И мы вправе ожидать *реванша героев, их грядущей победы над торговцами*, наступления эры доминанции двух первых сословий — жрецов и воинов, священников и дворян.

Мы явно изжили коммунизм и отвергли либерализм. В постмодерн, в систему трансгендерного общества, в европейское разложение индивидуума на составляющие — в такое будущее нам явно не хочется. А альтернативы — будь то советская, националистическая или раннебуржуазная — сейчас невозможны. Поскольку от советского мы отказались, а во что со временем может развиваться раннебуржуазное начало, видим по нынешней Европе. Национализм развалит Россию.

Сделать шаг назад — значит просто на время задержать тенденции. Двигаясь по пути либерализма, неизбежно придем к мультикультурализму, феминизму и однополым бракам, поскольку все это заложено в самой либеральной идеологии. Сегодня мы наблюдаем «высшую стадию» либерализма. Противопоставлять ей какие-то предшествующие, более приличные социальные формы — бесполезно и безответственно.

Новое Средневековье по Бердяеву как достойная России альтернатива современности является, на мой взгляд, оптимальным горизонтом.



Дары преподобного Сергия

Символ веры

Точная дата рождения одного из самых почитаемых русских святых неизвестна. Ученые, исследовавшие его жития и другие более или менее аутентичные источники, связанные с земной жизнью Преподобного, искали эту дату в историческом отрезке от 1313-го до 1322 года. При этом большинство сходилось во мнении: родился святой в начале мая. Русская православная церковь определила условный день появления на свет величайшего подвижника земли Русской — 3 мая 1314 года. И уже с начала 2014-го в стране проходят общенациональные торжества, посвященные 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского.

*Сергей Перевезенцев,
доктор исторических наук, писатель*

В 1328 году, чтобы не допустить волнений, многих жителей Ростова выселили из города в московские земли. Так, волей великого князя Ивана Калиты, в подмосковном местечке Радонеж оказался ростовский боярин Кирилл с женой Марией и сыновьями — Стефаном, Варфоломеем и Петром. Через девять лет Варфоломей уйдет из дома, примет монашество и станет основателем Троицкого монастыря. А затем прославится как величайший русский подвижник преподобный Сергий Радонежский (1314–1392), который во все последующие века считался небесным покровителем всех московских государей и главным небесным молитвенником за Русское государство и русский православный народ. Вот такие парадоксы дарит нам иногда история...

На протяжении вот уже почти семисот лет преподобный Сергий — самый почитаемый святой всего православного Русского мира. Чем полюбился он русскому сердцу? Почему еще при жизни святого подвижника люди стали тянуться к нему за советом и благословением?

Правда

«Ничего нет, если Правды нет...» — написал когда-то один из средневековых русских книжников. Правда, как ее понимали наши пращурь, — это то, что мы называем сегодня «социальной справедливостью». Троицкий монастырь в те тяжелые времена стал символом такой Правды, русской Правды...

Житие преподобного Сергия рисует нам образ очень скромного, терпеливого и неприхотливого в бытовом отношении человека: «...Одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное... Но только из сукна простого, то есть из сермяги... одежду носил, ветхую, не раз перешитую, и неотстиранную, и грязную, и многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами». Основой жизни старец считал труд, ибо только собственным трудом, по его убеждению, человек имеет право добывать себе пропитание. Житие Преподобного предлагает нам множество рассказов о его трудах. Вот один из таких рассказов. В голодный год Сергий пришел к некоему монаху Даниилу и предложил соорудить сени перед его кельей, а в качестве платы за труды попросил гнилого хлеба. Даниил тут же вынес Сергию целое решето хлеба и был готов отдать его даром, но Преподобный ответил: «Прибереги хлеб до девяти часов, потому что я

прежде, чем руки мои не потрудились, и до работы, платы не беру».

По таким же правилам жила и вся Троицкая обитель, особенно после того, как приняла общежительный устав. В его основе лежали несколько главных принципов — равенство всей братии (включая игумена), запрет на частную собственность, совместный стол и молитва, послушание и четкое распределение обязанностей, наконец, ежедневный неустанный труд. Троицкий монастырь стал первой в Московской Руси общежительной обителью, а Сергей Радонежский был поставлен в его первые игумены.

Затем по примеру Троицы самим Сергием и его учениками общежительные монастыри основываются по всей Руси. И везде становятся центрами притяжения для местного люда. Почему? Прежде всего потому, что иноки в этих обителях жили так же, как и окрестные крестьяне, а правила монастырского бытия оказались схожи с принципами жизни сельской общины. И крестьяне увидели в монахах сами себя — таких же тружеников, живущих столь же скудно и скромно. И узнали в этом столь чаемую русским сердцем Правду...

Чистота души

Но Правда общежительных монастырей состояла не только в том, что иноки жили, как соседние с ними крестьяне, а прежде всего в том, что они хранили «чистоту души», т.е. нравственную чистоту. Иноческое трудолюбие, скромность и воздержание не были вынужденными, не были вызваны, как у большинства современников, лишь жестокими условиями окружающей жизни, но стали результатом свободного выбора каждого из монашествующих. И первым среди насельников московских общежительных обителей такой выбор сделал преподобный Сергей.

Его житие сообщает нам, что еще до принятия общежительного устава Сергей «братии, как купленный раб, служил: и дрова для всех... колот, и толок зерно, и жерновами молот, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил... Ночью же Сергей в молитвах без сна проводил время; хлебом и водой только питался... И что бы он ни делал, псалом на устах его всегда был... Так пребывал он в молитвах и в трудах, плоть измучил свою и иссушил, желая быть небесного города гражданином и вышнего Иерусалима жителем».

Затем, уже став игуменом, преподобный Сергей строго следил за соблюдением монастырского устава: «Завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергей заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каж-



ФОТО: РИА НОВОСТИ



Михаил Нестеров. «Труды Преподобного Сергия»

Мировая и отечественная история учит: все важнейшие реформы, направленные на модернизацию, успешно осуществлялись только в том случае, если они проводились государственными, общественными и церковными деятелями России центристской, просвещенно-консервативной ориентации.

дого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. Если же Сергий слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется — негодовал он об этом и, не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал. Затем утром на следующий день призывал он к себе провинившихся; но и здесь не сразу запрещал им беседы, и с яростью не обличал их, и не наказывал их, но издали, тихо и кротко, как будто притчи рассказывая, говорил с ними, желая узнать их прилежание и усердие к Богу...»

Духовное единство

«Христос есть истинная правда...» — писал все тот же средневековый русский книжник. В самом деле, общежительные монастыри притягивали к себе окрестный и дальний православный люд не только и не столько потому, что иноки жили, как обычные крестьяне, но в силу того, что в иноческих обителях торжествовала истинная христианская вера, как говорили в те времена, будто «сам Христос пребывал». Вот в чем было главное чудо — монахи трудились и жили по-крестьянски, но по-другому — в чистоте души и со Христом.

Именно преподобный Сергий Радонежский, стремясь сам и направляя монастырскую братию к «жизни во Христе», ввел в русскую жизнь идею и практику «высокого жития», как реальный пример достижения в обычных жизненных обстоятельствах духовного совершенства. Он же предложил несколько принципов «высокого жития». Прежде всего Преподобный призывал иноческую братию к отказу от мирских соблазнов — богатства, власти, ненависти, насилия. Отказ от всего мирского должен был способствовать тому, чтобы иноки хранили смирение и любовь. Столь же необходимой составляющей «высокого жития» являлась идея внутренней духовной свободы, как высшей степени свободы вообще. Наконец, еще одно из условий «высокого жития» — и для отдельного человека, и для монастырской обители, и для общества в целом, — преподобный Сергий видел в единомыслии. Единомыслие для отдельного человека — это целостность души, полностью посвященной служению Господу. Для обители — единство помыслов и действий всех иноков, которые своим подвигом умножают Христову Любовь на земле и подают пример остальным

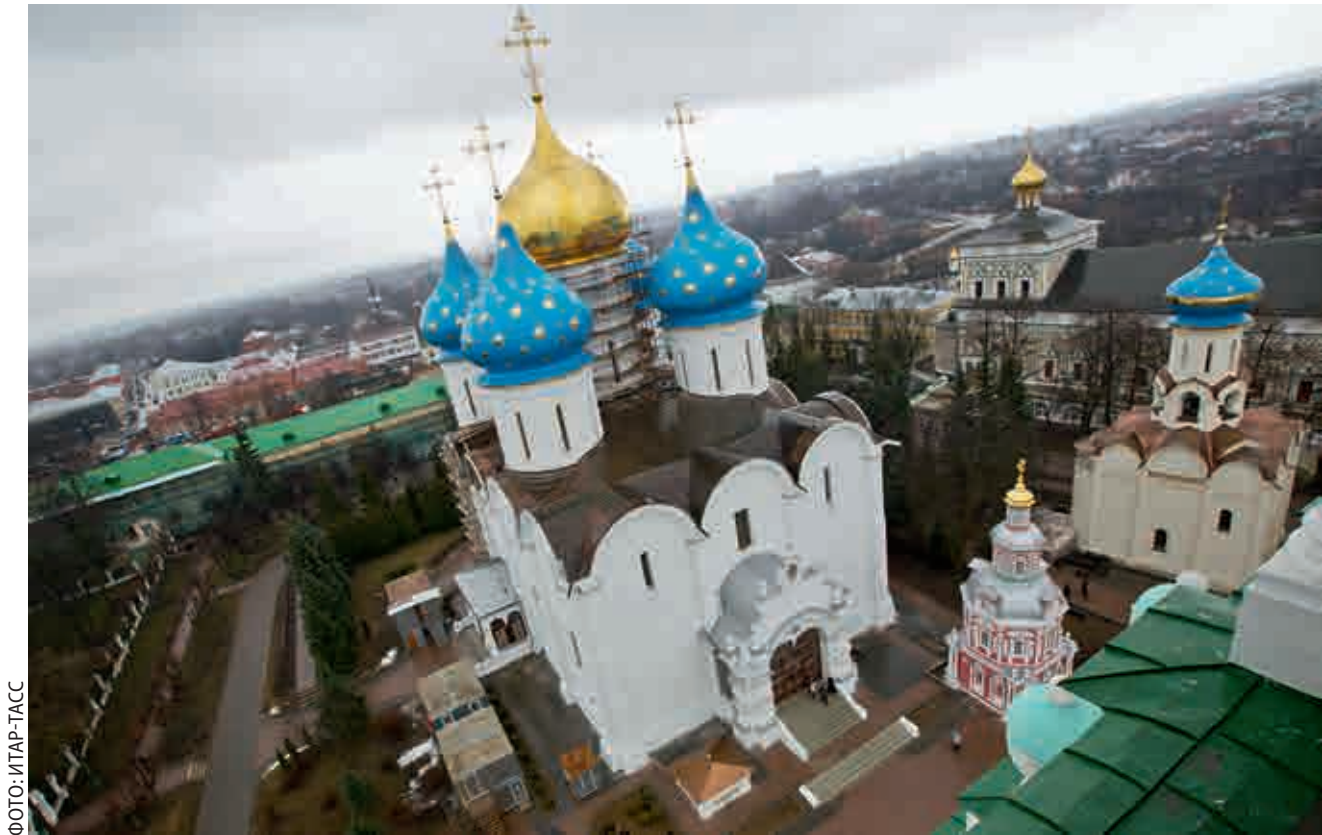


ФОТО: ИТАР-ТАСС

людям. Для общества — это идея единства, благодаря которому Русь только и может спастись.

Не случайно обитель, основанная преподобным Сергием, была посвящена Святой Троице. Сергей Радонежский видел в Троице высший христианский образ Единства и Любви, ибо ипостаси Святой Троицы единосущны, не знают ненависти, но исполнены Любви. Святая Троица — это еще и прообраз того, как должно строиться человеческое общество вообще и русское общество в частности. Следовательно, Святая Троица, в честь которой и была основана обитель на горе Маковец, становилась и символом единства Руси. Впервые в русской истории преподобный Сергей придал идее Святой Троицы реальное, конкретное звучание, преобразовал христианский догмат в символ живого единства, к которому должны стремиться все. Как показала дальнейшая история, именно из Троицкой обители русские люди и в XIV веке, и позднее ждали импульсов к возрождению единства в Русском государстве, ибо эти импульсы исходили как бы от Самого Господа. А икона «Святой Троицы», написанная Андреем Рублевым, духовным учеником преподобного Сергия, почиталась не как произведение искусства, но опять же как воплощенный символ Божественного единения.

И сам преподобный Сергей много потрудился во славу единства Русской земли. Не раз в наиболее драматичные моменты истории помогал князьям

услышать друг друга, убеждал их прекратить кровопролитные усобицы. Ради этого совершались его «миротворческие походы» в Нижний Новгород и Рязань. Эту же цель преследовал Преподобный, освятив своим участием княжеский съезд 1374 года: на съезде был составлен союз, который вывел в 1380 году полки на Куликово поле. Наконец, в 1380 году троцкий игумен благословил московского великого князя Дмитрия Ивановича и все русское войнство на битву с полчищами Мамай и отправил сражаться двух монахов — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, предварительно посвятить их в схиму. На Куликовом поле именно Пересвет положил почин великой победе, встретившись в поединке со «злым печенегом», позднее прозванным Челубеем...

...

Когда мы опять начнем биться над сложными для нас вопросами (а биться будем, куда ж мы от этих вечных, «проклятых» вопросов денемся?), давайте вспомним и те ответы, которые семьсот лет назад нашел для нас преподобный Сергей Радонежский: жить надо в правде, чистоте души и духовном единстве. Эти заветы преподобного Сергия — его подарки и современникам, и нам, потомкам. Вот только сумеем ли мы ими воспользоваться? А преподобный Сергей Радонежский молится за нас на небесах...

Обыкновенный геноцид

Валерий Шамбаров

95 лет назад большевики развернули масштабную кампанию террора в казачьих областях. Надо отметить немаловажную особенность — так называемое «рассказывание» не вписывалось даже в жестокую логику Гражданской войны, в принципы «революционной целесообразности». Оно вообще выглядело иррациональным. Геноцид обрушился на те районы, где Советская власть уже победила. Значительная часть казаков приняла ее добровольно, выражая готовность воевать на стороне красных.

В ПРОЧЕМ, в конце 1918 – начале 1919 года многим казалось, что Гражданская война заканчивается. Бурлили революции в Германии, Венгрии, Турции, Болгарии. Немецкие интервенты уезжали. Красная Армия вступила на Украину и в Прибалтику. Побеждала на востоке, продвигалась на Урал. Белогвардейский Дон обтекала с разных сторон. К казакам, изнемогавшим на позициях, засылались агитаторы. Внушали: «Неужели вы надеетесь устоять против всей России? Мы вашего не трогаем, и вы нас не трогайте. Идите по домам». Под Рождество Христово три полка бросили фронт. Пошли домой встречать праздник. Среди застолий, веселых песен по станицам появились большевистские агенты с пачками «николаевских» денег. Водку выставляли ведрами. Только в Вёшенской на угощение станичников было пущено 15 тысяч рублей. Разгулявшись, казаки на сходах признали Советскую власть. Во фронте образовалась брешь, куда двинулись красные. Казаки встречали их хлебом-солью...

Но вместо примирения грянул кошмар... Еще в октябре 1918-го нарком по военным и морским делам Троцкий принялся формировать военно-революционные трибуналы. Они не имели никакого отношения к судопроизводству. Это были не суды, а карательные отряды, многочисленные и отлично вооруженные. Их заблаговременно сосредоточили в казачьих областях. А казачьих лидеров, воевавших на стороне красных, убрали. На Северном Кавказе допекли командарма Сорокина, спровоцировали на мятеж и уничтожили. Популярного Ми-



ФОТО: РИА НОВОСТИ

ронова перевели с Дона на Западный фронт. А донские полки, перешедшие на сторону большевиков, загнали в эшелоны и повезли на Урал.

В середине января в Москве состоялось совещание начальников политотделов фронтов. Проводил его Свердлов. Очевидно, как раз на этом совещании были уточнены детали предстоящей акции. 24 января 1919 года издана циркулярная директива Оргбюро ЦК за подписью Свердлова. В ней говорится:

«Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантии от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить сыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам...» Предписывалось также «провести... в спешном

порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли».

Отметим, что Оргбюро являлось канцелярским органом ЦК. Решать политические вопросы оно не имело права. Даже с точки зрения большевистской «законности», документ был сомнительным. Однако кампания была уже подготовлена, директива дала ей старт. Впоследствии член Донревкома Рейнгольд докладывал Ленину: «Мы бросили вызов казакам, начав массовое их физическое истребление. Это называлось расказачиванием; этим мы надеялись оздоровить Дон, сделать его если не советским, то покорным и послушным Советской власти... Бесспорно, принципиальный наш взгляд на казаков, как на элемент, чуждый коммунизму и советской идее, правилен. Казаков, по крайней мере огромную их часть надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически...»

Запрещалось само слово «казак», ношение традиционной формы. За нарушение — расстрел. Станицы переименовывали в волости, хутора — в села (Цимлянская стала Свердловском, Константиновская — городом Розы Люксембург). Казаков облагали крупной контрибуцией, отбирали подчистую продовольствие, обрекая на голодную смерть. Тут же покатились расправы. В 1931 году Шолохов писал Горькому: «Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию, причем сознательно упустил факты, служившие непосредственной причиной восстания, например, бессудный расстрел в Мигулинской 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных в течение 6 дней достигло 400 с лишним человек».

Очевидцы рассказывали: «Смертные приговоры сыпались пачками. Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем и криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать». «Беззаконным реквизициям и конфискациям счет нужно вести сотнями тысяч. Население стонало от насилий и надругательств. Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса...»

В Урюпинской казнили по 60–80 человек в день. В Вёшенском соборе устроили позорное «венчание» 80-летнего священника с кобылой. В Морозовской коммиссар Богуславский убивал людей собственноручно. Позже нашли двести изуродованных трупов со следами истязаний — мужчин, женщин, детей. У члена Реввоенсовета армии Якира действовал «собственный» карательный отряд из 530 китайцев — уничтожил 8 тысяч человек. Но перебить всех казаков было трудно, и предусматривались иные меры. Член РВС

ловской директивы Владимир Ильич не намеревался давать казакам реальных послаблений.

20 апреля Ленин телеграфировал Сокольникову: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось». 24 апреля разъяснял ему: «Если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить? Посылаем еще двое командных курсов». О том же Ленин писал Склянскому (заместителю Троцкого), Луначарскому — послать на Дон дополнительные войска, побольше чекистов, двинуть «массовое переселение на Дон из неземледельческих мест для занятия хуторов». Только 3 июня, когда не помогли ни карательные отряды, ни обманные амнистии, Владимир Ильич заговорил о мелких уступках. Указывал Реввоенсовету Южного фронта: «Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажку в привычных населению архаических пережитках» — речь шла лишь о снятии табу со слов «казак», «станция», а также о разрешении носить штаны с лампасами...

Но было уже поздно. Казаки большевикам больше не верили. Дон, Кубань, Терек, Урал, Оренбуржье выпали из-под советского влияния. Это сломало и Южный, и Восточный фронты. Вместо окончания Гражданской войны раскрутился новый ее виток. Пролились новые моря крови. А казачий геноцид, по оценкам современных исследователей, унес свыше миллиона жизней. Хотя подобные оценки остаются весьма приблизительными. Кто их считал — убитых и замученных?

Однако остается открытым вопрос о причинах чудовищного преступления. Чтобы понять их, надо коснуться глобальных планов большевиков. Какое светлое будущее они намеревались строить? Если мы обратимся к изначальным проектам «военного коммунизма», то



увидим — намечалось кардинально переделать не только государство, но и людей. Перечеркивалась вся прежняя история России, ее культура. Перечеркивалась преемственность с Российской империей. Но именно казачество в такие проекты не вписывалось. Оно строго и бережно хранило традиции — исторические, воинские, культурные. Невзирая на различия в политических взглядах, казаки всегда были патриотами. Они в свое время формировали Российскую империю, и пояс казачьих войск по границам как бы скреплял ее. Ну, а ко всему прочему, они во все времена называли и осознавали себя «воинами Христовыми». Призванными не по мобилизации, а самим Господом. Казак — воин всегда. Его служба — от рождения до смерти. Служба Отечеству. Даже те казаки, кто принимал сторону красных, изобретали для себя особый «казачий большевизм». Сберегали привычный уклад жизни, не отрекались от веры в Бога. В общем, для социальных экспериментов оказывались совершенно неподходящим материалом. А в процессе превращения России в «растопку» неизбежно стали бы камнем преткновения. Следовал вывод — не лучше ли их совсем уничтожить?..

Кампания геноцида не была случайной. Она готовилась заранее. Еще в октябре 1918-го нарком по военным и морским делам Троцкий принял решение формировать военно-революционные трибуналы. Они не имели никакого отношения к судопроизводству. Это были не суды, а карательные отряды, многочисленные и отлично вооруженные. Их заблаговременно сосредоточили в казачьих областях.

Великие реалисты



Евангелие от Поленова

Ксения Воротынцева

Автор уютного «Московского дворика» и элегичного «Бабушкиного сада», тонкий лирик, от полотен которого исходит солнечное тепло... 1 июня исполняется 170 лет со дня рождения Василия Поленова. Интересно, что главным своим трудом художник считал вовсе не работы пейзажно-бытового жанра, вписавшие его имя в историю, а грандиозный цикл картин, объединенных евангельской темой, «Из жизни Христа».

ЕЩЕ в юности Поленов был поражен масштабным полотном Александра Иванова «Явление Христа народу». Скорее всего, именно тогда ему пришла в голову идея будущей картины «Христос и грешница» (1887, авторское название «Кто без греха»), ставшей первой полноценной работой будущего цикла. Однако до ее создания прошли годы. В 1881–1882 годах художник совершил путешествие на Ближний Восток. Главной целью было посещение Палестины — святых мест, сохранивших дух и исторический антураж событий, случившихся почти две тысячи лет назад. Из той поездки художник привез множество этюдов, зарисовав опаленные солнцем земли. Один из самых известных — «Олива в Гефсиманском саду» (1882), где изображено мощное старое дерево с узловатыми корнями — свидетель Страстей Христовых. Тогда же Поленов всерьез увлекся книгами Эрнеста Ренана, прочитав в том числе знаменитую «Жизнь Иисуса», в которой акцентировано внимание на человеческой стороне Богочеловека. Это нашло отклик в душе художника. В

картине «Христос и грешница» он показывает вполне земного Христа — загоревшего, чуть утомленного, похожего на мудреца, а не на Сына Божьего... С поленовской тщательностью проработан пейзаж — расстрескавшиеся камни на переднем плане, окутанный голубоватой дымкой горизонт... Воссозданы архитектурные детали и костюмы того времени — лишь Иисус, по настоянию матери художника, изображен «исторически недостоверно», зато канонично — с непокрытой головой. На большинстве других картин на нем белая шапочка — такие, как уверял Поленов, до сих пор носят на Востоке из-за сильного зноя. Стремление к исторической точности отличает и остальные работы — и «На Генисаретском озере» (1888), где Христос похож на уставшего странника, и более поздние, появившиеся в том числе после еще одной поездки в Палестину в 1899 году.

Современники отнесли к циклу, законченному в 1909-м и состоявшему из 58 картин (многие из них впоследствии разошлись по провинциальным музеям или были проданы советским правительством Америке в голодном 1924 году), неоднозначно. И хотя «Христа и грешницу» приобрел еще император Александр III, нашлись те, кто критиковал слишком приземленное толкование библейских событий. Художник действительно избегал чудесных моментов евангельской истории, обращался к обыденной стороне жизни. В работе «Мечты (На горе)» (1890–1900-е), отсылающей к Нагорной проповеди, с археологической точностью воспроизведена природа Палестины. Иисус, для которого Поленову позировали его ученики Коровин и Левитан, выглядит задумчивым, чуть меланхоличным. Фраза из Евангелия «Исполнялся премудрости», ставшая названием другой картины (1896–1909), трактуется с внешней, чисто фабульной точки зрения. Маленький Иисус сидит перед старцем-учителем — именно так, по сведениям Поленова, проходило обучение в Палестине.

Художника упрекали в нечувствительности к мистической стороне религиозного чувства. К тому же колоритный пейзаж, по мнению критиков, нередко заслонял действующих лиц. Однако изображение чудес Христовых издавна было задачей совсем иного искусства — иконописи. Светской живописи отводилась более скромная роль: запечатлеть обыденную «человеческую» сторону жизни. Христианская культура в принципе зонирована: в сакральном пространстве храма есть Царство Небесное, алтарь, а за церковной оградой находится профанный мир. Подобная градация характерна и для христианского искусства: «очеловечивая» Христа, Поленов показал себя не ниспровергателем традиций, а, скорее, деятелем светского искусства христианской цивилизации, в котором бытовой момент имеет право на существование.



ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Источник Девы Марии в Назарете», фрагмент



«Олива в Гефсиманском саду»

Витязь из Киева

Вадим Синявский

6 июня (25 мая) исполняется 125 лет со дня рождения Игоря Ивановича Сикорского, великого русского инженера, авиаконструктора, заложившего основы вертолетостроения, создавшего для России и всей мировой авиационной промышленности оригинальные, первые в своих классах образцы самолетов. Наши историки, писатели, журналисты еще сравнительно недавно были ущербно равнодушны к выдающимся соотечественникам, реализовавшим свои неординарные способности за пределами России. В праве считаться русскими, россиянами некогда отказывали у нас изобретателю высокооктанового бензина Владимиру Ипатьеву, создателю телевидения Владимиру Зворыкину, известному (за рубежом) инноватору Александру Понятову... И даже Игорю Сикорскому, успевшему прославить Россию множеством поразительных изобретений еще при жизни на Родине.

НЕ СКАЗАТЬ, что сегодня Игорю Ивановичу не везет с известностью. На церемонии открытия зимней Олимпиады в Сочи он упоминался в числе русских, внесших наибольший вклад в развитие мировой цивилизации. Достижением Сикорского комментатор церемонии объявил «вертолет». Это соответствует истине. Беда только в том, что создал он вертолет не на родине, а в эмиграции, через много лет после того, как соотечественники отказались от его услуг. В результате самолеты и вертолеты Сикорского укрепляли экономику и военную мощь США, в том числе и в годы активного противостояния наших государств. Репутация «врага» до сих пор в какой-то мере тяготеет над именем авиаконструктора, мешает достойному признанию его в России, чем не гнушаются пользоваться «патриоты» других стран. Сикорский значит и «истинным американцем»,



Игорь Сикорский. 1940 год

и «потомком варшавской шляхты» и даже «щирым украинцем».

Польского в нем немногим более, чем в любом другом русском. И отнюдь не по линии Сикорских. Бафталовской была бабушка по линии матери. Дед, полковник, — родом с Кубани, о чем свидетельствовала его фамилия: Темрюк-Черкес. По линии отца авиаконструктор происходил от казака Секоры, большого любителя помахать саблей. Один из потомков казака, поступив в духовную семинарию, посчитал такую фамилию несолидной для духовного пастыря и перезаписался в Сикорские на манер «благородной шляхты».

Отец авиаконструктора Иван Алексеевич тоже закончил духовную семинарию, но не пошел по стопам предков, сельских священников. Поступил в университет, затем — в военно-медицинскую академию. Ко времени рождения сына Иван Сикорский работал профессором Киевского университета и приобрел мировую известность многочисленными трудами

по психиатрии, всеобщей психологии и нервно-психиатрической гигиене. Профессор прославился не только как ученый, но и как видный общественный деятель, щедрый меценат. Его называли кумиром просвещенного Киева.

Иван Сикорский принадлежал к числу так называемой «державной интеллигенции», был одним из ее духовных лидеров. Высочайшая культура, незыблемые моральные принципы и глубокий профессионализм сочетались у него с осознанным великодержавным патриотизмом и монархизмом. Сикорский-старший был известен в России не только как убежденный противник революций, но и как активный борец с сепаратизмом. В частности, у идеолога «украинизма» Грушевского не было более яростного оппонента, чем профессор Сикорский. В отличие от оппонента, благополучно прижившегося при Советской власти, Иван Алексеевич Гражданской войны не пережил...

Убеждения отца стали убеждениями сына. Они и послужили главной причиной эмиграции. И остава-



ФОТО: РИА НОВОСТИ

Многомоторный тяжелый самолет
«Русский витязь»

лись неизменными на чужбине. В архиве компании Sikorsky сохранились достаточно резкие отповеди Игоря Сикорского американским политикам, пытавшимся привлечь его ко всякого рода русофобским мероприятиям. Всю жизнь авиаконструктор считал себя русским и православным.

Служба Отечеству считалась в семье смыслом жизни. Поэтому, получив начальное образование в 1-й Киевской гимназии, Игорь поступил в петербургский Морской кадетский корпус. Здоровье не позволило стать офицером. По окончании общеобразовательных классов Игорь покинул корпус, однако дружбу с однокашниками, морскими офицерами флота российского, сохранил на всю жизнь.

В 1907-м Сикорский поступил в Киевский политехнический институт, но получить диплом так и не смог. Авиация захватила его, не оставив ни сил, ни времени на учебу. Построенный весной 1910-го в сарае отцовского дома геликоптер двухвинтовой соосной схемы стал первым в России вертолетом, способным поднимать собственный вес. В то же время Сикорский пришел к правильному выводу о том, что эра вертолетов еще не наступила, и направил всю свою энергию на создание более перспективных в то время машин — самолетов.

Многие первые русские конструкторы брали в качестве прототипов зарубежные образцы, а вот аппараты Сикорского с самого начала представляли собой самобытные конструкции. Первый самолет оказался неудачным, но на следующей модели Игорю удалось 3 июня 1910 года впервые подняться в воздух. Следующие самолеты имели увеличенные размеры и более мощную силовую установку. На биплане С-5 весной 1911-го молодой авиатор сдал экзамен на звание пилота, установил четыре всероссийских рекорда, совершал показательные полеты, катал пассажиров, а в начале сентября того же года участвовал в военных маневрах, где продемонстрировал превосходство С-5 над самолетами иностранных марок.

В том же 1911-м Сикорский разработал биплан-разведчик С-6 и установил на нем мировой рекорд скорости с двумя пассажирами. Модернизированный С-6А заслужил Большую золотую медаль Московской воздухоплавательной выставки, а незадолго до этого Императорское Русское техническое общество наградило Сикорского Почетной медалью. О молодом киевском авиаторе заговорили все отечественные газеты и журналы.

Весной 1912-го Игорь Сикорский получил сразу два престижных приглашения из Петербурга: одно — на должность главного инженера учреждаемой военно-морской авиации; другое — конструктором недавно образованного воздухоплавательного отделения акционерного общества «Русско-Балтийский вагонный завод» (РБВЗ). Он принял оба и переехал из Киева в столицу империи.

Как первый руководитель инженерно-технической службы авиации русского Военно-морского флота, Сикорский внес большой вклад в создание этого рода войск и по праву может считаться одним из его основателей. Молодого авиатора по-прежнему влекла преимущественно конструкторская деятельность, и, прослужив год, он уволился с флотской службы, отдав себя полностью работе на воздухоплавательном заводе РБВЗ, где занял должность главного конструктора и управляющего. Большую роль в судьбе Игоря Ивановича с этого времени играл выдающийся организатор отечественного машиностроения, председатель правления РБВЗ Михаил Шидловский. Он сделал ставку на двадцатитрехлетнего студента и не ошибся. На РБВЗ получили рождение последующие самолеты Сикорского, вызывавшие неизменное восхищение как у широкой публики, так и у специалистов и принешие России заслуженную славу одной из ведущих авиационных держав мира.

В 1912–1913 годах на воздухоплавательном заводе РБВЗ под руководством Сикорского были спроектированы и построены легкие бипланы С-5А, С-6Б, С-8, С-10 и монопланы С-7, С-11, С-11А и С-12. Все они занимают почетные места в истории российской авиации. С-6Б занял первое место в военном конкурсе аэропланов, опередив лучшие аппараты иностранных конструкций. С-10 и С-11А вышли победителями на конкурсе год спустя. Разведчик С-10 имел полтора десятка модификаций и к началу Первой мировой войны составлял основу морской авиации Балтийского флота. Он стал первым самолетом русской конструкции, поступившим в серийное производство. Маневренный С-12 также строился серийно и успешно применялся на фронте. Одновременно Сикорский наладил на заводе лицензионное производство некоторых типов иностранных самолетов. Вслед за первым заводом Сикорский организовал еще несколько промышленных объектов РБВЗ, ориентированных на выпуск авиационной техники.

На российской земле Сикорскому было суждено создать одно из самых величайших своих творений, навсегда вписавших его имя в мировую историю покорения воздушного океана — наряду с такими пионерами, как братья Монгольфье и Райт, Блерио и Фарман, Цепелин и Сантос-Дюмон. Уже в 1911 году Игорь Иванович разработал концепцию многомоторного тяжелого самолета-гиганта с закрытой ком-



Сикорский в шлеме воздухоплавательных частей

Сикорский принимал непосредственное участие в организации соединения, подготовке экипажей воздушных кораблей и отработке тактики их боевого применения. В отличие от большинства конструкторов он проводил много времени на фронте, непосредственно в гуще военных событий, оперативно внося необходимые изменения в конструкцию своих детищ.

РУССКИЙ ГЕНИЙ



ФОТО: ИТАР-ТАСС

Сикорский пилотирует свой VS-300. 1939 год



ФОТО: ИТАР-ТАСС

Сикорский с одним из первых вертолетов. 1910 год

Всего в России Сикорским было создано два с половиной десятка базовых моделей самолетов, два вертолета, трое аэросаней, один авиадвигатель... При его непосредственном участии появились: морская авиация, стратегическая авиация, истребительная авиация, основано шесть авиазаводов.

фортабельной кабиной для членов экипажа и пассажиров. Многомоторная схема повышала надежность и безопасность эксплуатации аппарата. Конструктор предвидел использование таких самолетов в России на регулярных пассажирских линиях, для перевозки срочных грузов, освоения Сибири и Северного морского пути. Несмотря на мнение большинства авиационных авторитетов того времени, отвергавших подобную идею, Шидловский поддержал своего главного конструктора, и в марте 1913-го первый в мире четырехмоторный воздушный гигант был готов.

Превосходивший в несколько раз по размерам и весу все до сих пор построенные самолеты гигантский биплан впервые оторвался от земли 15 марта, а 10 мая был показан в полете над Петербургом. В июне 1914-го четыре двигателя из положения «попарно в тандем» переставили «в ряд по крылу». Самолет был переименован в «Русский витязь». Сикорский положил начало новому направлению в авиации — тяжелому самолетостроению и стал родоначальником всех последующих пассажирских авиалайнеров, тяжелых бомбардировщиков и транспортных самолетов.

За рубежом машины, аналогичные «Русскому витязю», появились лишь через несколько лет. Продолжение «Витязя» — четырехмоторный «Илья Муромец» поднялся в воздух уже в декабре того же 1913 года. Самолет продемонстрировал полную работоспособность и практическую пригодность. Переставленный на поплавки, он несколько лет оставался самым большим гидросамолетом в мире. На РБВЗ впервые началось серийное производство воздушных гигантов. В годы Первой мировой «Муромцы» эффективно использовались в качестве тяжелых бомбардировщиков и дальних разведчиков. Из них была сформирована «Эскадра воздушных кораблей» — первое в истории соединение стратегической авиации. Сикорский принимал непосредственное участие в организации соединения, подготовке экипажей воздушных кораблей и отработке тактики их боевого применения. В отличие от большинства конструкторов он проводил много времени на фронте, непосредственно в гуще военных событий, оперативно внося необходимые изменения в конструкцию своих детищ. Всего было построено 85 «Муромцев» шести базовых типов. О боевой эффективности воздушных гигантов говорит тот факт, что за всю войну вражеским истребителям удалось сбить только один «Муромец», в то время как экипажи бомбардировщиков поразили более двух десятков аппаратов противника.

Помимо тяжелых бомбардировщиков, Сикорский создал легкие истребители С-16 и С-20, морской разведчик С-15, легкий разведчик-истребитель С-17, двухмоторный истребитель-бомбардировщик С-18 и

штурмовик С-19. То есть практически полный парк типов самолетов, использовавшихся в Первой мировой войне. Кроме того, под руководством Игоря Ивановича разрабатывались и серийно строились авиационные двигатели, оборудование и вооружение, возводились новые заводы. Формировалась могучая многопрофильная отечественная авиационная промышленность.

Всего в России Сикорским было создано два с половиной десятка базовых моделей самолетов, два вертолета, трое аэросаней, один авиадвигатель... При его непосредственном участии появились: морская авиация, стратегическая авиация, истребительная авиация, основано шесть авиазаводов. Никто другой в дореволюционной России не внес в становление и развитие русской авиации столь же весомого вклада, как Сикорский.

Национальная гордость? Казалось бы — безусловно!

Однако не все в России разделяли восхищение конструктором. Монархизм и так называемое «черносотенство» отца и сына Сикорских раздражали

революционеров и демократов всех мастей. «Передовая общественность» — от кадетов до большевиков — ненависть к Сикорскому-старшему перенесла и на его талантливого сына. Не упускалась малейшая возможность опорочить авиаконструктора и его творения, натравить на него воинствующую серость. Особую ненависть вызывали многомоторные «Муромцы» — национальный символ Российской империи. Несмотря на войну, на РБВЗ не прекращались забастовки.

Либеральное попустительство — а зачастую и откровенное предательство — закончилось закономерно: кровавой революцией. Работы на РБВЗ практически остановились. Сикорскому угрожали скорой расправой. После нескольких налетов он был вынужден покинуть квартиру — прятался на аэродроме, в упаковочном ящике от аэроплана... Зимой ютиться в нем стало невозможно, и конструктор принял приглашение французского правительства продолжить работу на заводах союзников. В марте 1918-го он отплыл из Мурманска за границу.

Гидросамолет Сикорского. 1935 год

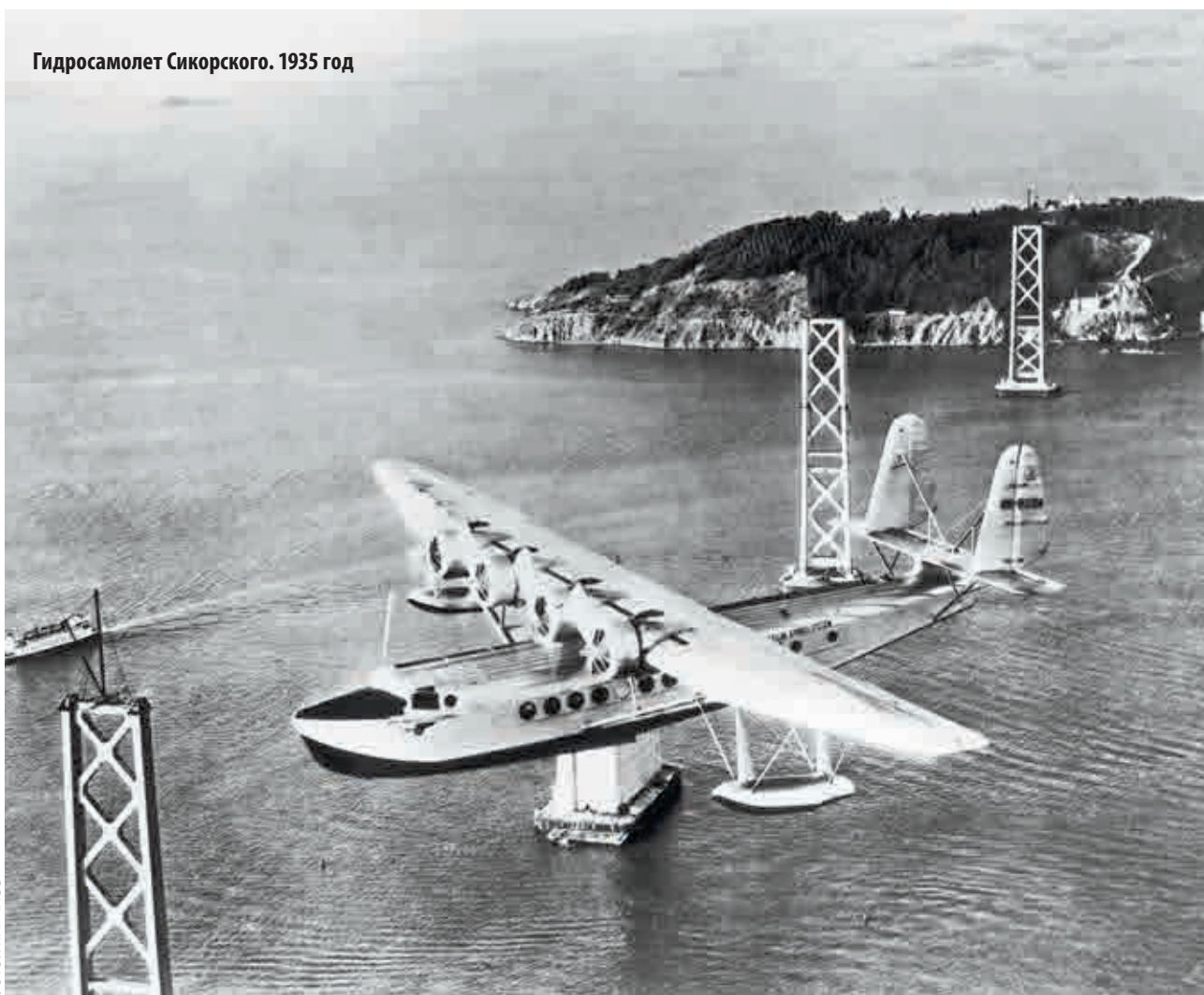


ФОТО: ИТАР-ТАСС

Другие берега

Никита Лобанов-Ростовский:

«Что значит быть князем? Мало привилегий и масса обязательств»

Юрий Коваленко, Париж

Известный общественный деятель, меценат, коллекционер князь Никита Лобанов-Ростовский отвечает на вопросы собственного корреспондента журнала «Свой» во Франции.

СВОЙ: *Вы потомок легендарных Рюриковичей, сыгравших исключительную роль в истории России. В чем Ваш род видел свою миссию?*

Лобанов-Ростовский: В этом плане он не отличался от большинства других знатных семей царской России. Все они считали своим долгом служение Отечеству. Для них это была не работа, а именно служба. Русский аристократ, в отличие, например, от английского, не мог заниматься торговлей.

СВОЙ: *Пушкин, Толстой и некоторые другие русские классики были по отношению к дворянству настроены критически...*

Лобанов-Ростовский: В чем-то они были правы. Например, в том, что от представителей знати, как и от крестьянства, мало зависела государственная политика в стране. Ее, по сути, всецело определял император.



СВОЙ: *Родством с каким из своих предков Вы больше всего гордитесь?*

Лобанов-Ростовский: С Алексеем Лобановым-Ростовским, который в конце XIX века возглавлял министерство иностранных дел и блестяще защищал интересы России.

СВОЙ: *Что значит быть Рюриковичем сегодня?*

Лобанов-Ростовский: Без прошлого нет настоящего. Однако сегодня быть князем — особо ничего не значит. Это дает мало привилегий и накладывает массу моральных обязательств. Мой долг перед знаменитым родом заключается в том, чтобы служить России, с которой я по-прежнему тесно связан.

СВОЙ: *У Вас особые отношения с Ростовом Великим. Этот город был вотчиной Ваших предков?*

Лобанов-Ростовский: Во времена Ивана Грозного мои предки там княжили. Они имели право въехать в город под колокольный звон... Мне выпала честь подарить музею «Ростовский Кремль» более тысячи предметов искусства — русские гравюры, картины, фарфор.

СВОЙ: *Вы были спортсменом, геологом, банкиром, занимались куплей-продажей алмазов и, конечно, славитесь как коллекционер. В какой сфере добились наибольших успехов?*

Лобанов-Ростовский: Чтобы стать удачливым предпринимателем, не нужно обладать исключительными талантами. Мои успехи в бизнесе были чем-то временным, помогали в других делах, но не приносили большого удовлетворения. Главным же для меня стало то, что я собрал уникальную коллекцию театральной живописи, которая вернулась в Россию и останется там навсегда. Мне кажется, я выполнил свой долг, старался спасти то, что наверняка было обречено на исчезновение или забвение.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Имя династии Лобановых-Ростовских дал удельный князь Иван Александрович по прозвищу Лобан, который княжил в конце XV — начале XVI столетия в Ростове Великом. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился в Софии 6 января 1935 года. Чемпион Болгарии среди юношей по плаванию. Окончил Оксфорд, затем Колумбийский университет США. Участвовал в геологических экспедициях в Африке, Латинской Америке, на Аляске. Работал банкиром, советником фирмы De Beers по добыче и продаже алмазов, консультантом Sotheby's и Christie's.



Штрихи к портрету

Вместе со своей первой женой — Ниной Жорж-Пико, дочерью французского посланника в ООН, коллекционировал предметы русского театрального искусства. В их собрании насчитывалось свыше 1100 произведений Серова, Рериха, Бакста, Гончаровой, Ларионова, Судейкина, Серебряковой и других выдающихся русских мастеров. Автор книг «Русские художники и театр», «Воспоминания — записки коллекционера», «Эпоха. Судьба. Коллекция», «Финансирование торговли», «Банковское дело». Участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ имени А.С. Пушкина. Видный общественный деятель. Первый заместитель председателя президиума Международного совета русских соотечественников. Награжден орденом Дружбы за вклад в сохранение русского искусства.

Отечественная сцена начала XX века привлекла лучших композиторов, хореографов, танцовщиков, певцов и художников. Начав вместе с моей бывшей женой Ниной собирать в 50–60-е годы работы на Западе, я надеялся, что со временем и в России заинтересуются этим искусством. Наша заслуга в том, что мы поняли это полвека назад и многое успели. Устраивая выставки, мы хотели показать всему миру настоящую, прекрасную Россию — полную цвета, радости, буйства красок.

СВОЙ: *Вы собрали лучшую на Западе коллекцию русского театрально-декоративного искусства. Значительную ее часть — 810 произведений — продали благотворительному фонду «Константиновский». Какова их дальнейшая судьба?*

Лобанов-Ростовский: Фонд передал коллекцию в Музей театрального и музыкального искусства Петербурга. Недавно Нина подарила тому же музею еще 38 работ из нашего собрания. В дальнейшем обсудит возможность продажи ему оставшейся части. В конечном итоге почти все раритеты попадут в этот музей. За исключением нескольких работ, которые Нина дарит Музею личных коллекций в Москве. В создании последнего участвовали мы с Ильей Зильберштейном.

СВОЙ: *О Вас говорят как о русском Лоренцо Медичи...*

Лобанов-Ростовский: Я себя с ним не сравниваю. Медичи был одновременно государственным деятелем, ростовщиком и собирателем. А я только коллекционер.

СВОЙ: *Вы знали многих знаменитых художников, в том числе Сальвадора Дали...*

Лобанов-Ростовский: Несмотря на все его безумства и непредсказуемость, мне с Дали было очень легко. Однако возникали проблемы в отношениях с его женой Галой, которая была ко мне настроена очень враждебно. Возможно, потому, что я плохо относился к ее любовнику, молодому французю.

СВОЙ: *Вы родились в Болгарии, имеете американское и российское гражданство, живете в Лондоне, называете себя «русским космополитом».*

Лобанов-Ростовский: Я часто повторяю, что Россия — больше, чем страна. Она — мироощущение, состояние духа, особое видение. Всю жизнь я прожил русским человеком и одинаково хорошо себя чувствую в Буэнос-Айресе, Париже, Токио и Москве. У меня взрывной русский характер, я не отличаюсь особой терпимостью... Но где бы я ни находился, всегда стремлюсь принести максимальную пользу России и ее культуре.

СВОЙ: *Вы деятельный общественник и в том числе первый заместитель председателя президиума Международного совета русских соотечественников (МСРС). Давно уже выступаете в защиту русского языка на Украине.*

Лобанов-Ростовский: Я возмущен дискриминацией русскоязычного населения на Украине. Такое отношение противоречит резолюциям ООН. На Украине — прежде всего Западной — уже давно страдают русский язык и русская школа. Против этого я выступал в свое время с трибуны ООН, при которой МСРС аккредитован. Мы тогда одержали важную моральную победу.

СВОЙ: *Что может сделать русская диаспора за рубежом для России?*

Лобанов-Ростовский: За пределами России живут более 30 миллионов наших соотечественников. Они, к примеру, могут помочь возвращению ценных реликвий. А главное — быть пропагандистами своей Родины. Негативное отношение к русским связано с образом жизни, который ведут за границей российские миллионеры. Скажем, в Лондоне они скупают недвижимость, судятся, а порой и убивают друг друга... Наша

задача состоит в том, чтобы показать другую Россию. Для этого, в частности, мы каждый год устраиваем в британской столице праздник Масленицы, на который собираются около ста тысяч человек.

СВОЙ: *Вместе с князем Александром Трубецким Вы выступили с инициативой создания памятника русским воинам, погибшим в Первую мировую войну...*

Лобанов-Ростовский: Надеюсь, что его успеют установить на Поклонной горе в Москве к 1 августа. Кроме того, с бывшим губернатором Владимирской области Николаем Виноградовым, приличным коммунистом и дельным человеком, начинаем заниматься спасением многочисленных русских усадеб. Как всегда, на такие дела нет средств. Поэтому мы написали обращение к президенту России, под которым поставили подписи «недобитые аристократы» — князя Трубецкой, Шереметев, Шаховской и ваш покорный слуга.

СВОЙ: *Какова судьба Вашего проекта создания Национальной портретной галереи в России?*

Лобанов-Ростовский: Эту идею пока похоронили. Несмотря на то что в свое время президент Путин не только поддержал мое предложение, но даже указал, где разместить галерею — в филиале Исторического музея Москвы, музее Ленина. Основную часть экспозиции должны были составить портреты деятелей, которые создавали и создают русскую историю и культуру.

СВОЙ: *Пушкин в «Медном всаднике» упомянул дворец Лобановых-Ростовских в Петербурге. Ему больше не грозит разрушение?*

Лобанов-Ростовский: Этот шедевр француза Огюста де Монферрана расположен напротив Исаакиевского собора. Дворец недавно превратился в шикарную пятизвездочную гостиницу. Я этому очень рад, потому что он спасен, хотя и претерпел большие изменения.

СВОЙ: *Сейчас много говорится о необходимости пропаганды русской культуры на Западе. Однако даже в постоянной экспозиции Лувра — всего три-четыре русские картины.*

Лобанов-Ростовский: Это ужасно несправедливо. Большинство русских художников остаются неизвестными, потому что они не «раскручены». После распада Советского Союза я предлагал выделить деньги на открытие русских залов в Лувре, в «Метрополитен», других крупнейших музеях. Тогданный директор «Метрополитен» Филипп де Монтебелло, который был моим другом, сказал, что на это нужно 500 тысяч долларов. Таких средств тогда не нашли. Сейчас все по-прежнему зависит только от денег, только стоить будет многократно больше. К сожалению, в России нет ни учреждений, ни меценатов, которые предоставили бы такие суммы. Однажды Дмитрий Медведев откровенно сказал мне: «Наши

олигархи вообще не интересуются Россией. Можете на них не рассчитывать». С другой стороны, почему американские музеи самые богатые в мире? Потому что в Соединенных Штатах действует налоговая система, при которой выгодно быть меценатом.

СВОЙ: *Нравится, когда Вас величают с титулом?*

Лобанов-Ростовский: Мне все равно. Так меня называют немногие. Чаще — просто Никитой.

СВОЙ: *Как сегодня в России относятся к потомкам славных русских фамилий?*

Лобанов-Ростовский: Большинство уверено, что Россию погубила знать. Я и сам считаю, что российская аристократия проявила себя как беспомощная и неорганизованная. У нее не было национального самосознания. В то же время нынешние россияне всегда рады лично побеседовать с Шереметевым или Шаховским. И даже пригласить кого-то из них в гости в качестве «свадебного генерала»...

СВОЙ: *В Европе, да и не только, осталось немало монархий. В глазах тамошних жителей эта форма государственного устройства не выглядит анахронизмом.*

Лобанов-Ростовский: Я убежден: монархии еще не сказали своего последнего слова. Монархия служит хорошим объединяющим началом в многонациональной стране. И кто знает, может быть, однажды она вернется в Россию.



ФОТО: РИА НОВОСТИ

Письма зависти

Дмитрий Володихин, историк, писатель, философ

7 июня нынешнего года исполняется 220 лет со дня рождения Петра Чаадаева. Этот «кумир на все времена» для российской либеральной интеллигенции обрел в нашей стране известность, сопоставимую со славой самых великих имен России. В какой мере Чаадаев «матери-истории ценен»? Можно ли считать его выдающимся деятелем, мыслителем, властителем дум?

ЛИСТАЯ страницы философских словарей, научных статей и монографий, посвященных Петру Яковлевичу Чаадаеву, видишь, с каким тщанием воссоздана по крупицам долгая его жизнь. Исследователи и публицисты собирали мельчайшие тексты Чаадаева, воссоздавали его мировидение как цельную систему, весьма сложную, предавались размышлениям о том, сколь сильно повлиял этот мыслитель на русскую философию...

И, по внешней видимости, тут есть о чем говорить. После Чаадаева остался большой трактат «Философические письма», статья «Апология сумасшедшего», обширная переписка, литературные произведения, богатые сведения о том, какое место занимал он в жизни литературной Москвы.

Но действительность проще и суровее.

Итак, что такое Петр Яковлевич Чаадаев? Второстепенный масон, третьестепенный декабрист, завсегдагой салонов, великий любитель католичества, ушедший из жизни как православный. Ушло поколение старших западников, и вот уже никому дела нет до того, что именно Чаадаев возвел в культ умение одеваться «как денди лондонский». Подавно, одним лишь узким специалистам интересны его второстепенные сочинения.

Правда состоит в том, что Чаадаев остался в русской культуре автором одного небольшого текста. Называется он «Первое философическое письмо». В 1836 году его опубликовал журнал «Телескоп». В современном издании это произведение занимает два десятка страниц. «Фило-

софические письма» в целом — а их восемь — шестикратно превосходят его по объему. Если добавить к ним «Апологию сумасшедшего» — семикратно. В соединении они дают картину чрезвычайно сложного мировидения. Но прозвучало-то одно-единственное письмо! Оно дало Чаадаеву громкую репутацию, от которой Петр Яковлевич позднее и сам бы с удовольствием избавился. Мало того, не весь текст, а только выдержки из него, разошедшиеся на цитаты. А остальное... остальное плохо знали современники Чаадаева, еще хуже — его потомки и совершенно не знают в наши дни.

Приходится сделать парадоксальный вывод: Чаадаев сделался знаменит благодаря малой частичке своих трудов, притом знаменит совершенно не так, как хотел бы сам. Его не очень поняли сразу после публикации «Первого письма», а впоследствии намертво встроили в «западническое» направление — так, что через одно-два поколения мало кто знал, до какой степени этот человек вываливается из любого лагеря.

В 1836 году читатели «Телескопа» узнали из «Первого письма» много скверного о России.

«Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации, — пишет Чаадаев, — состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впро-



Дом на Новой Басманной,
в котором жил Чаадаев



Чаадаев бешено критиковал Россию, без одобрения относился к Русской церкви, не любил власть и возлагал большие надежды на то, что диковинное сочетание католичества и социализма поведет страну к духовным вершинам, к единству всего человечества.

чем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение».

Или еще один фрагмент, который вот уже без малого 180 лет цитируется нашими западниками как образец «бичевания язв России» образованным и порядочным человеком: «У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманных намерений. Люди в такое время скитаются по свету, и дух их блуждает. Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов. Они тогда неистовствуют без ясного повода, но не без пользы для грядущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции».

Петр Яковлевич встает в позу «честного обличителя», бесконечно любимую и всей позднейшей русской интеллигенцией, и современными либеральными публицистами. К его идеям возводят лихие лозунги: «Россия — суть рабство и деспотизм», «мы вечно догоняем Европу, но все никак не можем догнать», «наше прошлое жалко» и т.п. Ну и, разумеется, «русского надо воспитывать дубьем — иначе не понимает».

Чаадаев дал все основания для подобного «родословья идей». Он не стеснялся в выражениях: «То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи

выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи... Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели.

В добавление ко всему стоит напомнить чаадаевский афоризм, ставший частью «символа веры» нашего прогрессизма: «В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс».

О, сколько правды находили в этих фрагментиках системы Чаадаева, заслонивших ее общий смысл! О, как восхищались «странной любовью» к Отечеству! Как ярко, сколь «правдиво» и т. п.

Если взглянуть на всю эту чудесную риторику, сняв розовые очки, надетые на русскую публику еще Герценом, большим почитателем Чаадаева, очень своеобразная выйдет подоплека «честности» Петра Яковлевича.

Чаадаев принадлежал к старинному дворянскому роду, кроме того, кровно был связан с иным высоким родом — не просто дворянским, но аристократическим. Его мать происходила из чрезвычайно богатого и влиятельного семейства князей Щербатовых. Ни Чаадаевы, ни Щербатовы никогда не забывали своих корней. До Петра I они занимали высокие посты — думные дворяне, воеводы, дипломаты высокого ранга. Один из Щербатовых, князь Михаил Михайлович, знаменитый историк, воздал хвалу старомосковской знати и обрушился с упреками на монархов петербургского времени: они разрушили древние привилегии знати и допустили духовную распущенность всего общества. Худородные выскочки, жалкие иноземцы получают из рук государей лучшие должности! А кое-кто выслужился из «подлого сословия»! Петр Яковлевич приходился Михаилу Михайловичу не кем-нибудь, а внуком. Знал прекрасно всю аристократическую старину, и традиции помнил, и «яркие воспоминания» разделял со всею барственной фрондой Москвы, вечно оппозиционной казенному «граду Петрову».

Так... э... почему же... отчего же такое отрицание?

А рода-то древние стеснены. Нет у них прежнего происхождения к высокой власти. Петр Яковлевич, благодаря происхождению, служил в гвардии. Худого о его службе не скажешь: в эпоху наполеоновских войн снижал заслуженную славу храброго офицера. Вот только в чины не вышел. Иначе говоря, высокая стартовая позиция не дала ему чаемого, надо полагать, возвышения.

Именно отсюда, думается, вытекает радикализм его воззрений.

Чаадаев сделался знаменит благодаря малой частичке своих трудов. Его не очень поняли сразу после публикации «Первого письма», а впоследствии намертво встроили в «западническое» направление

Чаадаев бешено критиковал Россию, без одобрения относился к Русской церкви, не любил власть и возлагал большие надежды на то, что диковинное сочетание католичества и социализма поведет страну к духовным вершинам, к единству всего человечества. Ему требовалось «макнуть» Империю, дабы внушить современникам идею, доселе противную для большинства дворян: мы стоим, а прогресс идет; заставим православие соединиться с католицизмом, он более универсален, он Европу воспитал, так и нас воспитает, как надо; переделаем все наше общество по рецептам социалистов! Чаадаев сознательно шел на умопомрачительное преувеличение пороков России. Он намеренно унижал свою страну, определенно понимая, что литературным приемом гиперболы тут и там заменяет истину. И его мысли находили множество сторонников по той же причине: как сам Петр Яковлевич, так и родовитые поклонники едких его насмешек над русской историей добивались в карьере до положения блестящих офицеров, но никак не могли выйти в генералы.

Просто? Незамысловато? Принижает великие умы? Ан нет, ничего простого. За столетие до Чаадаева высокая кровь гарантировала высокий общественный статус. А

потом российская монархия решительно урезала подобного рода гарантии: служба сделалась выше крови, заслуги — важнее знатности. Но жажда вернуть так или иначе (хотя бы частично) прежние льготы томила потомков древнего боярства и бросала их в объятия самых радикальных, самых экзотических направлений европейской мысли. Что угодно — лишь бы избавиться от тесной власти императора! Или хотя бы натянуть ему нос...

Кое-кто именно за этим пришел на Сенатскую площадь.

А кое-кто выдумывал «католический социализм» как панацею для своей страны.

Чаадаев использовал хулу на Россию всего-навсего как инструмент для торжества своих религиозных взглядов — неистовой смеси европейской мистики и философии от разных авторов. Взгляды его оказались никому не нужны, и слава Богу: без православия Россия не стоит. Но смысл судьбы Чаадаева в русской общественной мысли — другой. То, в чем он сам видел только орудие, всего лишь кривое, ненадолго взятое в руки орудие, русские социалисты, революционеры, либералы не побрезговали занести в святцы своего стана.

Так плод дворянской спеси получил значение высокого идеала.

Простой советский классик

Сергей Громов

14 июня исполняется 90 лет со дня рождения Владимира Солоухина. История его жизни явно заслуживает того, чтобы быть подробно изложенной в серии «ЖЗЛ». И потому, что он был одним из крупнейших русских писателей второй половины XX века. И потому, что совокупность фактов его на редкость богатой биографии вкупе с многообразием созданных им произведений — своего рода квинтэссенция всей советской эпохи.

СОЛОУХИН принадлежит к уникальной генерации первых советских граждан, появившихся на свет после революции и Гражданской войны. Это небывало пассионарное (согласно терминологии Льва Гумилева) поколение подарило стране множество особо чтимых героев, ярких, подлинно выдающихся личностей. Судите сами: сверстниками Солоухина были Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, молодогвардейцы... А также основная часть русских писателей, рассказавших миру о Великой Отечественной войне, — Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Василь Быков, Борис Васильев, Юлия Друнина... Последние советские военачальники, маршалы Дмитрий Язов и Сергей Ахромеев. И, как ни парадоксально, самые известные советские диссиденты — Андрей Сахаров и Александр Зиновьев.

У этого поколения была еще одна, поражающая своим трагизмом особенность: из всех его представителей, ушедших на фронт, домой с войны вернулось несопоставимое с потерями меньшинство. В том, что простому крестьянскому парню Володе Солоухину не довелось сгинуть в чудовищном пожаре Второй мировой, «вины» Владимира нет ни малейшей — явно

не по своей воле он нес службу с 1942-го по 1945-й в охране Московского Кремля.

В какой мере принадлежность к этому младому в военные годы и беспримерно героическому племени повлияла на судьбу будущего писателя? Наверняка в немалой.

С той лишь существенной разницей, что его воспитание, в отличие от большинства прославленных ровесников, было сызмальства отнюдь не атеистическим и даже не вполне пролетарско-интернационалистским. Это обстоятельство заметно отразилось на творчестве зрелого писателя Солоухина, которое едва ли в наши дни следует подвергать переоценке. Солоухин — русский-советский классик, и этим, пожалуй, все сказано.

В годы относительной демократизации советского общества (то есть при Брежневе; хрущевская «оттепель» в этом плане была, по сути, односторонней, во многом фиктивной), с появлением в нашей литературе целого направления, связанного с деятельностью писателей-традиционалистов, Владимир Солоухин примкнул именно к ним, замечательным русским «деревенщикам». И такое идейно-духовное позиционирование автора уже получивших общенациональное признание «Владимирских проселков», «Капли росы», многочисленных сборников лирической поэзии, рассказов и очерков было, конечно же, закономерным.

На протяжении многих лет «деревенщики» — и Солоухин в их числе — боролись, как могли, против поворотов рек и прочих рукотворных катаклизмов, бились за сохранение «бесперспективных» деревень и старых городков, древних храмов и родной природы, национальных обычаев и вековых традиций. К примеру, глубокие размышления Владимира Алексеевича о непреходящей ценности русских икон, опубликованные в книге «Черные доски» под видом «записок начинающего коллекцио-



ФОТО: PHOTOPRESS

нера», произвели на просвещенную публику в конце 1960-х очень сильное впечатление.

Проза Солоухина в немалой ее части автобиографична, отражает его личные взгляды на окружающий мир, любовь к стране и малой родине — Владимирскому краю.

Чрезвычайно выразительно характеризуют судьбу писателя и обстоятельства, связанные с его уходом в мир иной. Умершему 4 апреля 1997 года Владимиру Алексеевичу Солоухину Русская православная церковь оказала великую честь — его тело отпевали в Храме Христа Спасителя. И это был первый подобный ритуал в истории восстановленного храма, на тот момент еще даже недостроенного. Похоронили же Солоухина — в соответствии с его завещанием — в родном селе Алепино, в полусотне километров от древнего Владимира.

Сегодня мы публикуем отрывки из книги Солоухина «Смех за левым плечом». Издана она была в 1989 году, когда «перестроечная» пропаганда настоятельно рекомендовала читателям литературу совершенно иного свойства, патриотизм уже чуть ли не официально определяли как «последнее прибежище негодяев», а над такими понятиями, как духовность, честь, любовь к Отчизне, всевозможные «прорабы» начинали глумиться в открытую.

Владимир Солоухин и Сергей Михалков. 1988

На протяжении многих лет «деревенщики» — и Солоухин в их числе — боролись, как могли, против поворотов рек и прочих рукотворных катаклизмов, бились за сохранение «бесперспективных» деревень и старых городков, древних храмов и родной природы, национальных обычаев и вековых традиций

«Смех за левым плечом»

Владимир Солоухин

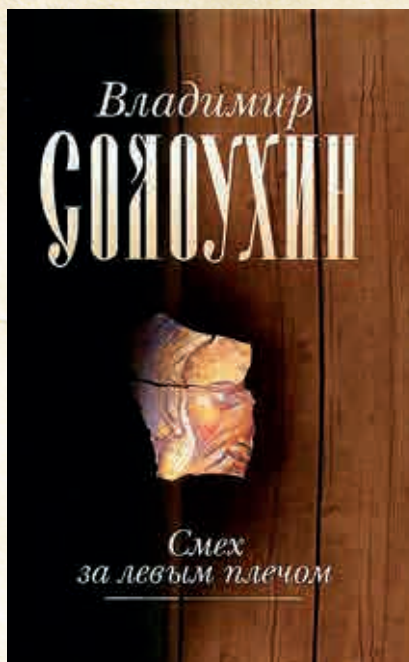
Итак — шлеп! Разрыв оболочки небытия и крики грачей.

Земля, на которой я таким образом очутился, имела достаточно оснований называться одновременно и раем, и адом. Это и понятно, если иметь в виду главную цель, ради которой меня сюда забросило. Чтоб выбрать в конце концов между двумя крайностями, надо, чтобы эти крайности были и чтобы я имел возможность к ним присмотреться.

Я не мог тотчас же видеть, как в тишине июньской ночи, под пологом прохладного леса, цветут и благоухают чистые, белые ночные фиалки и как ночные бабочки прилетают к ним, то зеленовато светясь, вспыхивая в лунных пятнах, то погасая, залетев в теневые места. Я не мог видеть даже пышного жасминового куста, цветущего в это время у нас под окнами своими белыми и душистыми цветами. Точно так же я не мог ни видеть, ни слышать, как в эту же июньскую ночь в тюрьмах и лагерях умирают или мучаются в ожидании смерти невинные люди, как их стреляют в затылок в подвалах разных ОГПУ, что считается проявлением гуманности по сравнению со стрельбой в лоб или в сердце.

Шел июнь 1924 года. Бесспорно, цвели ночные фиалки, бесспорно, летали ночные бабочки в тишине подлунного леса, бесспорно, страдали люди, бесспорно, в эту ночь убивали людей.

В моем положении новорожденного я не мог ничего ни видеть, ни знать, но если бы я, попав на землю, сразу же, сейчас же мог бы осмотреться, подобно космонавту, прилетевшему на другую планету, то я должен был бы с первых же минут заключить, что нахожусь в раю. Если же я мог бы в то же самое время постичь мысленным взором все, что на этой планете происходит, то, ужаснувшись, я тотчас понял бы, что меня забросило в ад.



Когда бы создали самых вдохновенных художников и сказали бы им, что существует во вселенной голый камень и нужно украсить его разнообразно и одухотворенно, с тем, чтобы красота облагораживала, будила добрые чувства, делала лучше и чище, и чтобы она никогда не могла надоест, и художники засучив рукава принялись бы за работу, — что же, разве они могли бы придумать что-нибудь прекраснее земного неба? С луной и солнцем, в звездах и облаках, с радугами и зорями, во всех оттенках закатов и восходов?

Разве могли бы они придумать что-нибудь прекраснее земных морей, гор, рек, озер, водопадов, деревьев, цветов, наконец?

Когда бы создали самых изощренных инквизиторов и сказали бы, что вот оборудуется некая лаборатория, некое заведение для мучений и пыток людей, что же, разве они могли бы придумать столь же изощренные и разнообразные пытки, набор которых преследует нас всю жизнь?

Что и говорить, обе крайности были тут же, одновременно и рядом, но чтобы постичь их обе, то есть и великую красоту земли, и ве-

ликое зло, царившее на ней, и нужна как раз целая жизнь. Для постижения того или другого она и была мне дана.

К счастью, прежде чем пуститься в многолетнее плавание через земную юдоль, был дан мне компас, на который я, к сожалению, взглядывал с годами все реже и реже, а были годы, когда не взглядывал совсем, как если бы его не было.

Отчетливо помню урок о двух крайностях земного бытия, преподанный мне матерью на самых первых порах. Я думаю, что ни профессора, учившие меня впоследствии, ни писатели, книги которых я успел прочитать, не подарили мне столь же ясной и неотразимой конструкции, как это сделала Степанида Ивановна.

— У тебя, — говорила она, — где бы ты ни был и что бы ты ни делал, всегда за правым плечом стоит Ангел, а за левым плечом — сатана. (Она называла его — Лукавый.) Они видят все, что ты делаешь, и даже знают о том, что ты думаешь.

И вот, если ты сделаешь что-нибудь хорошее, доброе... ну там, заступишься за того, кого обижают, подашь милостыню, поможешь отцу с матерью, накормишь кошку, перекрестишься на ночь, — Ангел за правым плечом радуется и улыбается, а Лукавый морщится и корчится, словно его поджаривают. Если же ты сделаешь дурное — обидишь девочку или старушку и вообще того, кто слабее тебя, если огорчишь отца с матерью, будешь лениться, мучить котенка, то Ангел за правым плечом будет горько плакать, а Лукавый злорадствовать и смеяться.

— Почему он будет смеяться?

— Потому что это его козни. Это он нашептал тебе сделать дурно, а ты, дурачок, и послушался. Вот ему и радостно, что ты у него в руках. Вот он и хихикает и потирает руки.

— Почему же Ангел не шепчет, чтобы я поступал хорошо?

— И Ангел подсказывает, но только мы его меньше слушаем.

— Почему?

— Потому что другой-то, враг-то его — Лукавый... Вот они и будут всю жизнь тянуть тебя в разные стороны. Один будет губить, а другой будет спасать.

Ночью, лежа с открытыми глазами, я обещал себе, что всегда у меня мой Ангел будет смеяться и радоваться, а Лукавый за левым плечом будет корчиться и скрипеть зубами. Из психологических оттенков надо бы отметить именно тот, что, как же я подведу моего Ангела, как же я, так сказать, не оправдаю его доверия...

<...>

...Ну и ахнула вся аудитория, ну и гул пошел по рядам! А из общего гула, оттуда и отсюда, из разных углов и рядов прорезались не сочувствующие, нет, восторженно-визгливые реплики: «А я вам что говорил?!», «А я вам что говорила!», «Цацкались, нянчились... Николая Второго на палец надел — простили. Церкви стал защищать — простили. Икон у себя по всем стенам навешал — простили. В Париже с эмигрантами якшался — простили. В Загорске с патриархом и другими попами якшался — простили. Действительность нашу, счастливую, светлую действительность нашу в рассказах, повестях и очерках критиковал — простили. Стихотворение «Волки» написал, казалось бы, теперь-то можно было понять — все простили. Думали — случайные ошибки, временные заблуждения, а вот оно и открылось!»

Действительно, важно было нашим поколениям на протяжении нескольких десятилетий в книгах про себя и про свое детство, в разных там автобиографиях выделить и подчеркнуть бедность социального происхождения, которая (бедность) приравнивалась почему-то к чистоте. «Чистая биография», «чистая анкета», «чистое прошлое». Чистота. Происходишь из крестьян-бедняков — хорошо. Из безлошадников (их было, наверно, по всей крестьянской России не более одного процента) — пре-

красно. Из бескоровников — превосходно.

Но не противопоставляем ли мы в таком случае труд и чистоту как два враждебных, исключаящих друг друга понятия? Ведь прежде чем завести (купить на любом базаре) лошадь, или корову, или племенного быка, или жеребца-производителя, прежде чем завести ветряк или водяную мельницу, кузницу или шорное дело, гнуть дуги или гнать деготь и колесную мазь, все-таки нужны были деньги. А откуда они взялись? Деньги — эквивалент труда, так нас учили в школе. А не в школе, так в институте. На лекциях по политэкономии. Можно предположить, что некоторые крестьяне, купившие лошадь, а то и двух, разводящие племенной скот, ставшие мельниками, сначала ограбили кого-нибудь на большой дороге или нашли клад. Но не все же! Не проще ли предположить, что где-то когда-то каким-то образом ими было затрачено большее количество труда, которое превратилось в большее количество денег.

Пытался ли кто-нибудь проследить, в силу каких дополнительных обстоятельств одно хозяйство начинало крепнуть и расцветать, а другое по-прежнему прозябало?

И не вступим ли мы, если будем говорить, что чем беднее, тем лучше и чище, в очевидное противоречие со здравым смыслом?

Безлошадники не могли бы вывести чистокровного орловского рысака, которым мы и теперь продолжаем гордиться и за которого и теперь получаем за границей чистое золото. Или владимирских битюгов. Бесовечники не могли бы создать чистую породу романовской овцы. Бескоровники не могли бы создать сорта русского масла и вологодского масла, которыми бесконкурентно был завален мировой рынок. Горемыки и бедняки, безземельники и малоземельники не вывели бы такие чиста русские сорта яблок, как антоновка или грушовка московская, украинская си-

миренко или алмаатинский апорт, а также владимирскую вишню, климовский огурец, ростовский лук, нежинские огурчики, рязанскую капусту, кубанскую пшеницу, да мало ли...

Одни безлошадники и безземельники, горемыки и бедняки не смогли бы завалить мировой рынок русским овсом, русскими овчинами, русским воском, русским льном, русской икрой, русскими раками, русским фарфором и хрусталем, русским жемчугом («бурмицкое зерно»), русской эмалью, русским серебром, изделия из которого ценятся почему-то и по сей день в десятки раз дороже другого иностранного серебра. Знаменитая восемьдесят четвертая проба.

Одни безлошадники и бескоровники не могли бы, конечно, ни выигрывать войны, ни расширять пределы государства (пресловутая шестая часть земли), ни снаряжать кругосветные экспедиции. Они не могли бы обеспечить ни расцвета искусства, ни расцвета науки, ни сосредоточения в стране огромных материальных и духовных ценностей.

Может быть, чище и благороднее покупать яйца в Польше, кур во Франции, баранину в Аргентине, а пшеницу в Австралии, Канаде и США; может быть, лучше продавать Рафаэлей, Рембрандтов и Тицианов, нежели собирать их, ломать драгоценные архитектурные сооружения в виде старинных храмов, нежели возводить; может быть, все это чище и лучше, но все-таки нужно признаться, что с одними безлошадниками и бескоровниками не было бы у России ни воинской славы, ни широких пределов, ни Менделеева, ни Павлова, ни Толстого, ни Гоголя, ни Пушкина, ни Чайковского, ни Третьяковской галереи, ни Эрмитажа, ни Петербурга и ни Москвы, ни всего того, что Россия сумела накопить и создать, и остатки чего мы вот уже более чем полвека распыляем и все еще не можем до конца распылить.

Наш Крым



Полуостров, в марте 2014-го возвратившийся, по выражению Владимира Путина, «в родную гавань», даже в годы принудительной украинизации оставался неотъемлемой частью русской истории и нашей великой культуры. Теперь нам предстоит заново осваивать не только исконно российские земли, но и уникальное духовное наследие Крыма.

Журнал «Свой» из номера в номер будет вспоминать славные имена, узами доблести или творчества связанные с Тавридой. Сегодня это Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944), фотограф, родившийся на владимирской земле и похороненный на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Хроникер империи

Ксения Воротынцева

УТОПАЮЩИЕ в голубоватой дымке горы, руины дворцов, виноградные поля, цветущие маки... Таким более ста лет назад Крым увидел Сергей Прокудин-Горский, талантливый фотограф и изобретатель.

Его снимки, композиционно выстроенные почти безупречно, довольно традиционны: беседки, фонтаны, морские виды... Однако обыкновенными они кажутся лишь на первый взгляд. Яркие и насыщенные, эти кадры были сделаны почти за тридцать лет до появления цветной пленки. Благодаря технологическим новациям Прокудина-Горского, увлекавшегося



химией и, по легенде, учившегося у Менделеева, уже в начале XX века публика могла насладиться сочными пейзажами Массандры и Гурзуфа, не отправляясь на полуостров.

Пионер цветной фотографии и неутомимый путешественник был хроникером Российской империи. Заглядывая в разные уголки страны, в 1905-м он навегнул и Тавриду. Экспедиция, включившая в себя также визиты на Кавказ и Украину, осуществлялась на деньги Общины святой Евгении. Предполагалось, что масштабная фотолетопись Прокудина-Горского будет напечатана на открытках. Однако из-за экономических проблем проект оказался свернут. Пластины с видами Крыма затерялись. В библиотеке конгресса США, выкупившей в 1948 году остатки коллекции у наследников, хранятся лишь четыре стеклянных негатива с пейзажами полуострова. В том числе — фотография «Ласточкиного гнезда», одного из символов Крыма. На удивительно ярком и четком снимке виден не ажурный неоготический замок, возведенный в 1912 году по заказу барона Штейнгеля, а более ранняя постройка — простой красно-белый деревянный дом.

«Крымская эпопея», ставшая для Прокудина-Горского лишь одним из эпизодов (его наследие включает более 2500 сохранившихся изображений), к счастью, частично оказалась спасена от забвения. Некоторые оригиналы, впоследствии потерянные, воспроизве-



дены на дореволюционных открытках. Полуостров образца начала XX века кажется почти копией сегодняшнего. Возраст фотографий выдают лишь детали. Например, на Монастырской скале белеет храм святого Николая Мирликийского, закрытый в 1926-м и разрушенный в 1932 году. А на ялтинском побережье пришвартованы старомодные парусные корабли... В кадре совсем нет людей, что не характерно для работ Прокудина-Горского. Обычно он с удовольствием снимал бытовые сцены, благодаря чему сохранилось множество цветных свидетельств эпохи — костюмы, прически, лица... В Крыму же мастер, бывший не только увлеченным исследователем, но и тонким художником, вероятно, оказался заморожен буйством природы и красотой архитектурных ансамблей. А, возможно, портретам просто не повезло, и они канули в небытие вместе с еще тремя сотнями снимков из той экспедиции.

Корневая система



ФОТО: ИТАР-ТАСС

Вот так нагородили!

Тамара Церетели

Добродушные животные и роскошные цветы. Нарядные барышни и элегантные кавалеры пьют чай, гуляют, пляшут, играют на гармошках... Городецкая роспись — праздник, который, по идее, должен быть в каждом доме. Но россияне только начинают вспоминать свои бесценные народные промыслы. Мода на них возвращается медленно и трудно. «Свой» обязуется по мере сил помогать мастерам, хранящим традиции русской красоты. Итак, наш первый маршрут — Нижегородская область.

Берегите умывальники

Уникальная роспись — не единственное, чем славится городок на Волге. Золотная вышивка, резьба по дереву, жбанниковская свистулька, печатные пряники — Городец известен разными промыслами. Древнейший город Нижегородской области, почти ровесник Москвы, по преданию, основан Юрием Долгоруким в 1152 году. Изначально был крепостью, защищавшей Владимиро-Суздальское княжество от волжских булгар. Земляной вал, окружавший город, до сих пор хорошо виден — остатки былого величия тянутся на полтора километра, в высоту доходят до семи метров.

В Городце, опять-таки по преданию, умер Александр Невский, незадолго до этого принявший постриг в Феодоровском монастыре. Бронзовый потомок Владимира Мономаха стоит теперь на крутом берегу Волги — это один из немногих в России памятников победителю ливонских рыцарей. В местном краеведческом музее вам обязательно покажут найденную в городецкой земле печать великого полководца, впоследствии

причисленного к лику святых. И похвастанутся уникальным шлемом — княжеским. Правда, какому именно правителю он принадлежал, неизвестно — надпись стерта, дешифровке не поддается. Да и сам артефакт дошел до нас в таком состоянии, что откопавший его городчанин принял находку за ржавый умывальник... Археологи признали в «умывальнике» головной убор и датировали XIII–XIV веками. Оказалось, в России всего два таких шлема: один — принадлежавший Ярославу Всеволодовичу и хранящийся в Оружейной палате, второй — в Городецком краеведческом музее.

Пустой Городец

В монастыре хранилась главная святыня Городца — знаменитая Феодоровская икона Божией Матери, авторство которой приписывается евангелисту Луке. В 1238 году при нашествии Батюга город сгорел дотла, монастырь не стал исключением. Правда, чудотворный образ не погиб — через год его обнаружили висящим на дереве близ реки Запрудни и перенесли в Кострому. В 1613 году им благословили на царствование Михаила Федорови-

ча. С тех пор икона стала главной святыней Романовых. В ее честь с конца XVIII века становились Федоровнами переходившие в православие супруги цесаревичей.

Что до Городца, то после Батюга он быстро восстановился, превратившись в центр ремесел и торговли. Прибалтийский янтарь, византийские ткани, среднеазиатская керамика — чего только здесь не находили археологи и копатели огородов.

В 1408 году город был снова разграблен и сожжен — на этот раз ханом Едигеем. С тех пор, если и упоминали летописи бывший центр торговли, то под названием Пустой Городец...

Так он и пустовал пару столетий, пока на его месте не образовалось небольшое село. После церковного раскола Городец стал прибежищем старообрядцев, хлынувших в нижегородские леса. Постепенно село превратилось в центр деревянного судостроения — отсюда даже Петр I увозил плотников для военного флота.

Стала возрождаться и торговля — теперь уже благодаря купцам-староверам. В Городце даже памятник есть «Купечеству России», правда, на улице с не совсем ком-



ФОТО: РИА НОВОСТИ



ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: ИТАР-ТАСС



Промысел процветал, пока в эпоху индустриализации не пришел конец прялкам. В гроб сходя, они стали тащить за собой и веселые картинки. Роспись погибла бы, не наברי в 1957 году Аристарх Коновалов — один из немногих носителей традиции — группу учениц

мерческим названием — Кирова. А бывшая Купеческая упорно носит имя Ленина.

Фараон с хвостом

Земля здесь не плодородная — возможно, по этой причине местное население активно занималось промыслами. Плели лапти, гнули дуги, резали посуду... А чтобы товар лучше продавался, украшали его во всю мощь фантазии.

Вообще, у городчан всегда было обостренное чувство прекрасного. Даже самые обыденные предметы — например, рубели и вальки для выколачивания и глажки белья — украшали тончайшей резьбой, в то время как в соседних районах нерабочая поверхность оставалась девственно гладкой.

А уж для наличников и фризов не жалели ни сил, ни времени. Причудливые орнаменты, птици-сирины, смешливые пышногрудые русалки, иногда дергающие за хвост добродушных львов — у тех тоже улыбка до ушей. Полудев, полурыв в Городце и его окрестностях до сих пор называют берегинями или фараонками. Причем последние бывают и мужского

пола: фараонами — бородатыми джентльменами с хвостами.

Всех этих существ неземной красоты изображали с помощью глухой резьбы — это когда дерево не пропиливают, а выдалбливают. Процесс намного более трудоемкий. А прялки украшали инкрустацией: вставляли фрагменты темного мореного дуба — техника тоже не из легких. Зато с разукрашенными донцами на рынках они разлетались вмиг.

Новые времена

От прялок и пошла городецкая роспись. Сначала стали подкрашивать инкрустированную поверхность — так наряднее. А в середине XIX века и вовсе заменили сложную технологию простым рисунком. Нововведение прижилось — теперь нехитрыми сюжетами украшали не только прялки, но и все, что под руку попадет. В одной из близлежащих деревень даже была обнаружена русская печка, покрытая городецкой росписью — красоты много не бывает. Но основным «клиентом» оставалось женское орудие труда.

Так промысел и процветал, пока в эпоху индустриализации не пришел конец прялкам. В гроб сходя, они стали тащить за собой и веселые картинки. Роспись погибла бы, не наברי в 1957 году Аристарх Коновалов — один из немногих носителей традиции — группу учениц. Коновалов добился того, чтобы при профтехшколе в городе Семенове разрешили открыть отделение городецкой росписи. Кстати, раньше ею занимались исключительно мужчины: сидели бородатые мастера — многие из них были староверами — и расписывали прялки. Теперь и русским женщинам пришлось этим заняться. В 1960-е небольшую артель художников преобразовали в фабрику «Городецкая роспись» — ту, что жива и поныне.

Такое же, но без цветов

Жива, правда, не благодаря, а вопреки. Некогда процветающему предприятию, обеспечивавшему расписной мебелью детские сады чуть ли не всего СССР, в постсоветскую эпоху пришлось туго. Настолько, что едва не закрылись. 13 лет назад погибающее производство купила нижегородская «Славянская мебельная компания». «Иначе нас давно уже не было бы», — констатирует Вячеслав Грушин, заместитель директора фабрики «Городецкая роспись».

«Что такое наш промысел? — продолжает Грушин. — По сути — национальное достояние. Оно должно быть под защитой государства, а мы в частных руках. Нам повезло, что владелец компании все понимает — нормальный человек. Вот уже больше десяти лет сохраняет это достояние. Большую часть затрат фактически берет на себя. Об электроэнергии не думаем, зарплату вовремя выплачиваем. Но если у него самого плохо пойдут дела, и он скажет: «Ребята, закрываемся», — значит, разойдемся по домам».

В былые годы на предприятии работало до тысячи человек. Сейчас — сорок. «Вместе с уборщицей», — мрачно уточняет начальник иконописной мастерской Николай Карасев. Его отдел, открытый при фабрике почти двадцать лет назад, теперь входит в состав Патриарших мастерских. Иконы, кстати, продаются куда лучше изделий с росписью. На некоторых из них — например, на образе Божией Матери «Неувядаемый цвет» — здешние мастера даже городецкие цветы изображают. Всем нравится, Церквы — тоже.

— Вот в советские времена из Москвы шли дотации, — ностальгирует художница иконописной мастерской Наталья Носкова, раньше занимавшаяся городецкой росписью. — Я в 76-м пришла на фабрику. Все было централизованно. Нашу продукцию отправляли во все концы — в Сыктывкар, Сочи. Вагонами отгружали...

— Тогда тоже не совсем правильно было, — скептически отзывается Карасев. — Такую мебель делали — нормальный человек вряд ли купил бы. Многие говорили: «Мне б такую стенку, но только без цветов». А мы без них не имели права выпускать — потому что предприятие народных художественных промыслов.

Заходишь в краеведческий музей и понимаешь, о чем речь. Стоят, например, стулья 1970-х из ДСП, а на сиденьях — розы... «Такие тяжелые, прямо свинцовые», — жалуется сотрудница.

Какой у вас Палех

Теперь «Городецкая роспись» мебель не выпускает вовсе — ни с цветами, ни без. На рынке (особенно детской продукции) такая конкуренция — никакая флора



ФОТО: РИА НОВОСТИ

не поможет. В ходу разделочные доски, солонки, сахарницы, хлебницы, панно да шкатулки.

Да что там мебель, на предприятии даже резчиков не осталось — все по своим углам сидят. «Думали, фабрика их обделяет, — объясняет Карасев. — Сейчас работают на себя, но коттедж никто еще не построил. Иногда говорю кому-нибудь: «Возвращайся», а он: «Да ты знаешь, у вас к восьми надо приходиться, а я уже привык в девять вставать...» Токарные изделия приходится частникам заказывать — на фабрике только расписывают.

— С надомниками столько хлопот, — вздыхает Грушин. — Мы как-то делали для московского банка большой заказ. Уже сроки поджимают, как нас один такой «свободный художник» подставил — загулял. Приезжаем за 400 километров, а он никакой. Слава богу, другого нашли. Но нервов было...

Когда нет заказов, приходится переходить на трехдневную рабочую неделю. «Хорошо еще у всех огороды. Если б жили в условиях города — тогда катастрофа», — размышляет начальник иконописной мастерской. «Я-то что, продержусь, — смеется замдиректора фабрики. — Картошку посажу. Русский народ непобедим!»

Средняя зарплата на фабрике — 7–8 тысяч. Цены в местном «Перекрестке» или «Пятерочке» — московские... Хорошо хоть летом, с появлением туристов, можно немного перевести дух. И посмеяться заодно. «Приходят, рассматривают и говорят: «Надо же, какой у вас красивый Палех!» — изумляется невежеству Карасев. «А у меня спрашивают: «Где вы в Москве находитесь? Мы на мастер-классы придем!» — рассказывает Наталья Приваловская, главный художник «Городецкой росписи». И весело хохочет. Все-таки русский народ и вправду непобедим.



Квасной патриотизм

Максим Сырников

САМАЯ русская похлебка — щи, это несомненно. Их готовят по всей России, от Поморья до Придонья, от Пскова до Камчатки. С квашеной капустой, со свежей, с репой и щавелем, снытью и крапивой... Мясные, рыбные, постные... Однако в летнюю жару сытные и наваристые щи не всегда уместны. С первых жарких деньков, с начала сенокосов открывается в России пора холодных окрошек.

Окрошка наша иностранцам редко нравится сразу, к ней привычка нужна. Вот если вы с детства приучены, если летним днем бегали на грядки рвать слезящийся зеленый лук и тащили его на кухню, где уже нарезались мелко-намелко огурчики и потела на столе принесенная из погреба трехлитровая банка с домашним квасом, тогда вам объяснять ничего не надо.

Когда-то у пиратов Карибского моря было такое любимое блюдо — салмагунди. Чаще всего это маринованная в уксусе рыба, а то и черепашьё мясо, перемешанное с сердцевинкой пальмы и плодами манго, залитое маслом и обильно сдобренное всеми доступными пряностями.

Казалось бы — ну при чем здесь окрошка?

Однако в России в 1784 году выходит в свет англо-русский словарь «для благородных юношей» из Морского кадетского корпуса. И слово «salmagundi» переводится именно как «окрошка». Как еще объяснить дворянскому отпрыску из снежной России смысл этого слова? Окрошка, она и есть окрошка. В «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» 1836 года «винегрет» — «окрошка без кваса». А В.П. Боткин в своих «Письмах об Испании» 1857 года рассказывал: «По вечерам еще здесь дают нечто вроде нашей окрошки: эта холодная похлебка состоит из салата, испанского перца, лука, томатов, уксусу, масла, воды, соли, хлеба и называется gaspacho». В Петров пост сгодится окрошка постная — рыбная. Нынче это не самое распространенное блюдо. Хотя, скажем, на берегах Оки такую и сейчас готовят и очень любят. Но сначала о том, как делать белый квас — по классическому деревенскому рецепту. Красный, а тем более сладкий, для окрошки не подходит.

КВАС БЕЛЫЙ

Полтора стакана молотого
неферментированного ржаного солода или стакан
ржаной муки
3 литра воды
Ложка закваски

Если есть солод — лучше готовить белый квас из
него. Если солода никак не сыскать — можно и из
ржаной муки.

Подсушенный солод или муку заварить
литром кипятка, получив квасное сусло, по
консистенции — как жидкая сметана.

Заквасить, дать побродить.
Если готовой закваски нет, ее можно приготовить,
заквасив 3–5 граммами «мокрых» дрожжей
стакан жидкого теста (как для блинов). Такую
закваску держат несколько часов при комнатной
температуре, а затем в холодильнике — можно до
двух недель.

Пробродившее сусло залить оставшейся водой
(25–35 °С) до нужной степени ядрености,
дать выстояться пару дней на холоде. Слить,
процедить. Оставшийся осадок можно
использовать для приготовления
очередной порции кваса.



ФОТО: ИТАР-ТАСС

ОКРОШКА РЫБНАЯ

1,5 л белого кваса
Припущенная рыба — 300 г
Три свежих или малосольных огурца
Зеленый лук
Укроп
Хрен или горчица
Соль

Рыбу для окрошки надо брать
нежирную, лучше всего —
припущенный в воде свежий
судак, треску. Зеленый лук,
укроп да петрушка, свежий
или малосольный огурец мелко
режутся. Все посыпается солью и
слегка разминается деревянной
толкушкой. Белый ржаной
квас сдабривается хреном и
подсаливается. Рыба разделяется
на небольшие кусочки, уже без кожи
и костей, перемешивается с давшей
сок зеленью и заливается квасом.

А вот еще одно квасное летнее постное блюдо:
ботвинья. Нынче так зачастую называется
простая холодная похлебка из свекольной ботвы.
Но когда-то это было сытное и очень вкусное
блюдо, для приготовления которого обязательно
использовалась лучшая рыба.

БОТВИНЯ

1,5 л белого кваса
Рыба отварная или малосольная — 500–600 г
Щавель, шпинат, свекольная ботва,
сныть, крапива — 400–500 г
Два-три небольших свежих огурца
Зеленый лук
Укроп
Соль

Листья промыть, сложить в кастрюлю, добавив
2 стакана воды. Варить на небольшом огне 15 минут.
Откинуть на сито или дуршлаг и протереть.
Огурцы очистить от шкурки, нарезать мелко
вместе с зеленым луком, посолить и растереть
деревянной толкушкой.
Зеленое пюре разбавить квасом, добавить
растертые огурцы.
Ботвинью подают с кусочками льда и рыбой,
нарезанной тонкими ломтиками.



ФОТО: РИА НОВОСТИ

Свой

июнь 2014

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Европы